
НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

2025. Том 4, № 1

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ».
Адрес редакции, издателя:
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Миссия журнала: развитие межпрофессионального взаимодействия специалистов и исследователей, занимающихся поиском инновационных технологий социальной работы с различными категориями населения, практической апробацией новых методов; содействие обмену идеями и лучшими мировыми практиками для их интеграции в деятельность учреждений и организаций социальной сферы.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Королева Ксения Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им.А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия, Москва

Заместители главного редактора

Жернакова Нина Ивановна, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой семейной медицины, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород;

Собянин Федор Иванович, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Выпускающий редактор

Волошина Ирина Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Ответственный секретарь

Мозговая Елена Ивановна, доцент кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Редактор английских текстов

Данилова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Члены редколлегии

Банникова Надежда Васильевна, кандидат педагогических наук, директор КГБУ «Региональный центр спортивной подготовки по адаптивным видам спорта», Россия, Красноярск (по согласованию);

Горелик Светлана Гиршевна, доктор медицинских наук, профессор кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Ельникова Галина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Каневская Светлана Сергеевна, доктор медицинских наук, профессор, Медицинский директор корпорации Medical On Group (по согласованию), Россия Москва;

Кондаков Виктор Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Красовская Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск (по согласованию)

Наберушкина Эльмира Камаловна, доктор социологических наук, профессор департамента социологии Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва (по согласованию)

Никулин Игорь Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета физической культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Никулина Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, директор департамента социальной политики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Оставная Алла Николаевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко» (Тирасполь, Молдова) (по согласованию)

Постникова Людмила Ильинична, кандидат медицинских наук, доцент кафедры семейной медицины, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

Шапавалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы активного долголетия и здоровьесбережения

- 5 Полубояринова Н.И.**
Социально-психологическая дезадаптация пожилых людей: факторы риска и стратегии профилактики

Инклюзивная среда и реабилитационные практики

- 13 Тарасевич В.А., Басинская И.В.**
Взаимосвязь копинга и суицидального риска у людей с инвалидностью в Беларуси

Теория и практика социальной работы

- 22 Рудычева К.Н.**
Проблемы организации социально-психологической поддержки замещающих семей и граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание
- 30 Мозговая Е.И., Татаринцева С.В.**
Социокультурные стратегии профилактики социального сиротства (по материалам исследования)
- 38 Королева К.Ю.**
Особенности внедрения образовательного подхода «Обучение служением» в учебный процесс в многопрофильном университете: организационно-управленческая модель

RESEARCH RESULTS IN SOCIAL WORK

2025. Volume 4, No. 1

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education "Belgorod National Research University".

Publisher: Belgorod National Research University, "BelSU" Publishing House.
Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russian Federation.

The mission of the journal: is to develop interprofessional interaction of specialists and researchers engaged in the search for innovative technologies of social work with various categories of the population, practical testing of new methods, facilitating the exchange of ideas and world best practices for their integration into the activities of institutions and organizations of the social sphere.

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ksenia Yu. Koroleva, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Editor-in-Chief, A.N. Kosygin Russian State University (Technology, Design, Art), Russia, Moscow

Deputies of Chief Editor

Nina I. Zhernakova, D. Sc. (Medicine), Professor, Head of the Department of Family Medicine, Deputy Editor-in-Chief, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Fedor I. Sobyenin, D.Sc. (Pedagogy), Professor of the Department of Physical Education, Deputy Editor-in-Chief, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Managing Editor

Irina G. Voloshina, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social Work, Managing Editor, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Executive Secretary

Elena I. Mozgovaya, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Social Work, Executive Secretary, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Editor of English texts

Elena S. Danilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Institute of Cross-Cultural Communication, editor of English texts, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Members of Editorial Board

Nadezhda V. Bannikova, Cand. Sc. (Pedagogy), Director of the Regional Center for Sports Training in Adaptive Sports, Krasnoyarsk, Russia (as agreed);

Svetlana G. Gorelik, D. Sci. (Medicine), Professor of the Department of Public Health Organization and Public Health, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Galina A. Elnikova, D. Sc. (Sociology), Professor of the Department of Social Work, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Svetlana S. Kanevskaya, D.Sc. (Medicine), Professor, Medical Director of the Medical On Group Corporation (as agreed), Russia, Moscow;

Viktor L. Kondakov, D.Sc. (Pedagogy), Professor of the Department of Physical Education, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Natalya N. Krasovskaya, Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Social Work and Rehabilitation of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk (as agreed);

Elmira K. Naberushkina, D.Sc. (Sociology), Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow (as agreed);

Igor N. Nikulin, Cand.Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Dean of the Faculty of Physical Education, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Tatyana V. Nikulina, Cand.Sc. (Pedagogy), Director of the Social Policy Department, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Alla N. Ostavnaya, Cand. Sc. (Sociology), Researcher at the Institute of Public Administration, Law and Social Sciences and Humanities, Taras Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Moldova) (as agreed);

Lyudmila I. Postnikova, Cand.Sc. (Medicine), Associate Professor of the Department of Family Medicine,

Belgorod National Research University, Russia, Belgorod;

Inna S. Shapovalova, D. Sc. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ No. ФС 77-84862 dated 03.03.2023. Publication frequency: 4 /year. Commissioning Editor I/G/ Voloshina. Computer imposition A.V. Beloedova. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 3,27. Date of publishing 30.03.2025. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

Topical issues of active longevity and health saving

- 5 Poluboyarinova N.I.**
Social and Psychological Disadaptation of the Elderly: Risk Factors and Prevention Strategies

Inclusive environment and rehabilitation practices

- 13 Tarasevich V.A., Basinskaya I.V.**
Relationship between coping and suicide risk in persons with disabilities in Belarus

Theory and practice of social work

- 22 Rudycheva K.N.**
Problems of Organizing Social Support for Foster Families and Citizens Who Wish to Foster a Child (Children) in a Family
- 30 Mozgovaya E.I., Tatarintseva S.V.**
Sociocultural Strategies for The Prevention of Social Orphanhood (Based on Research Materials)
- 38 Koroleva K.Y.**
Characteristics of The Implementation of Service Learning in The Educational Process in an Interdisciplinary University: Organizational and Management Model

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ
И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ
TOPICAL ISSUES OF ACTIVE LONGEVITY AND HEALTH SAVING**

УДК 369.8
DOI 18413/2949-267X-2025-4-1-0-1

**Социально-психологическая дезадаптация пожилых людей:
факторы риска и стратегии профилактики**

¹ Полубояринова Н.И.

¹ МБУ СОССЗН «Комплексный центр социального обслуживания населения»
Ивнянского района Белгородской области
Россия, 309110, Белгородская область, Ивнянский район, п. Ивня, ул. Ленина, 4 «А»
E-mail: poluboyarinovanata78@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности социально-психологической адаптации пожилых людей, основные факторы, которые могут ее нарушать, а также определены стратегии профилактики дезадаптации граждан пожилого возраста. Автором проведено исследование, которое позволило выявить факторы риска социально-психологической дезадаптации пожилых людей, получающих услуги в комплексном центре социального обслуживания населения, оценить степень их удовлетворенности жизнью и особенности психологического состояния.

Ключевые слова: старость, старение, адаптация, социально-психологическая дезадаптация, пожилые люди, профилактика дезадаптации.

Для цитирования: Полубояринова, Н.И. Социально-психологическая дезадаптация пожилых людей: факторы риска и стратегии профилактики / Н.И. Полубояринова // Научные результаты в социальной работе. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 5–12. DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-1

**Social and Psychological Disadaptation of the Elderly:
Risk Factors and Prevention Strategies**

¹ Natalia I. Poluboyarinoва

¹ MBU SOSSSZN “Integrated Social Service Center”
of Ivnyansky District of Belgorod Region,
4 “A” Lenina St, Ivnya settlement 309110, Belgorod region Russia
E-mail: poluboyarinovanata78@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of the socio-psychological adaptation of the elderly, the main factors that can disrupt it, and identifies strategies for preventing maladaptation of elderly citizens. The author conducted a study that made it possible to identify risk factors for socio-psychological maladjustment of elderly people receiving services at the integrated center for social services, to assess their degree of life satisfaction and the peculiarities of their psychological state.

Keywords: old age, aging, adaptation, socio-psychological maladjustment, the elderly, prevention of maladjustment.

For citation: Poluboyarinoва, N.I. (2025), Social and Psychological Disadaptation of the Elderly: Risk Factors and Prevention Strategies, *Research results in social work*, Vol. 4, No. 1, pp. 5–12. (in Russian). DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-1

Введение

Современная демографическая ситуация характеризуется увеличением доли пожилых людей в общей структуре общества, что повышает исследовательский интерес к изучению процесса старения, психофизиологических, социальных и психологических изменений, с которыми сталкивается пожилой человек.

Смена социального статуса и социальных ролей, столкновение с нарушениями физического и психического здоровья, влияние ряда внешних факторов, в том числе социально-экономических, обуславливает актуальность для людей старшего возраста проблемы адаптации, что ставит практические задачи перед социальными службами по профилактике дезадаптивных состояний в период старости.

Разработка и внедрение эффективных программ социальной адаптации, направленных на поддержание активного образа жизни, обучение новым навыкам и преодоление социальной изоляции, становятся важной задачей для улучшения качества жизни пожилых людей.

В широком смысле дезадаптация понимается как состояние, при котором человек не может в полной мере приспособиться к новым или меняющимся социальным условиям, ресурсы человека оказываются недостаточными или не соответствуют требованиям среды. [Новикова и др. 2020; Суворова, Мамуркова 2019].

Г.Х. Мусина-Мазнова рассматривает социально-психологическую дезадаптацию пожилых людей как нарушение процессов адаптации, когда пожилой человек не может эффективно приспособиться к новым условиям жизни, связанным с возрастом (изменения здоровья, выход на пенсию, потеря близких) [Мусина-Мазнова и др. 2020].

Н.В. Карпушина понимает социально-психологическую дезадаптацию пожилых людей как результат внутреннего конфликта, несогласия с собой и своим местом в обществе [Карпушина 2020].

И.В. Гурьянова рассматривая социально-психологическую дезадаптацию пожилых людей подчеркивает социальные аспекты, указывая на отчуждение от общества, снижение социальной активности и потерю социальных связей как ключевые признаки дезадаптации [Гурьянова 2020].

Современные исследователи выделяют, по крайней мере, три группы нарушений адаптации в пожилом возрасте:

-социальные, связанные с уменьшением контактов, нарастанием конфликтных взаимодействий с окружением;

-психологические, связанные с изменением структуры личности, самовосприятия, заострением индивидуальных черт личности;

- психические, как правило, обусловлены развитием деменции, тревожных расстройств, депрессивных состояний [Новикова и др. 2020; Суворова, Мамуркова 2019].

Рассматривая социально-психологическую дезадаптацию пожилых людей, можно отметить проявления в эмоциональном состоянии, поведении пожилых людей и особенностях их взаимодействия с социумом.

Дезадаптация влияет на качество жизни людей в старости, способность адекватно и безопасно реагировать на изменения, вызванные внутренними и внешними факторами, способность преодолевать жизненные трудности, адаптироваться к возрастным изменениям.

В тяжелых случаях дезадаптация может существенно снижать благополучие пожилого человека, приводить к ограничению его самостоятельности, снижению продолжительности жизни.

Поэтому в работе с пожилыми людьми важно уметь выявлять ранние признаки дезадаптивных состояний, определять стратегии профилактики социально-психологической дезадаптации на разных этапах и внедрять их в практику социального обслуживания и социально-психологического сопровождения пожилых граждан.

Профилактика дезадаптации – это комплекс мер, направленных на предотвращение нарушений в процессе приспособления человека к новым или изменяющимся условиям. Она охватывает широкий спектр стратегий, от укрепления психологической устойчивости и развития навыков адаптации до создания благоприятной среды и поддержки.

Основные цели профилактики представлены:

- устранением причин: воздействие на факторы риска, способствующие возникновению проблемы;
- укреплением защиты: повышение устойчивости к негативным воздействиям;
- ранним выявлением: обнаружением проблемы на ранней стадии для более эффективного вмешательства;
- снижением последствий: минимизация негативного воздействия при невозможности полного предотвращения.

Профилактика невозможна без выявления и нивелирования факторов риска социально-психологической дезадаптации, к которым могут относиться как индивидуальные факторы, к примеру, особенности личности, состояние здоровья и ограничение жизнедеятельности, социальные, такие как наличие/отсутствие поддержки близких, конфликтные взаимоотношения, так и факторы окружающей среды (внешние изменения, стрессы и т.д.).

Профилактика социально-психологической дезадаптации предполагает комплексный подход, деятельность специалиста по социальной работе в составе междисциплинарной команды, сотрудничество с организациями различных ведомств, что позволит учесть все стороны проблемы и найти эффективные практические решения [Корчагина 2021; Новикова и др. 2020].

Основные направления профилактики социально-психологической дезадаптации могут быть следующими:

- Стимулирование социальной активности. Важно как можно дольше сохранять широкий (но посильный) круг обязанностей, подчёркивать значение пожилого человека, общаться с ним и привлекать его к участию в жизни семьи.
- Создание условий для социокультурной деятельности, пожилых людей необходимо вовлекать в различные социальные мероприятия, волонтерскую деятельность, развивать технологии социокультурной адаптации и реабилитации.
- Создание микросоциальных групп общения, групп взаимоподдержки, сообществ, основанных на схожих интересах и общем деле, что позволит преодолеть одиночество, наполнить жизнь смыслом и ощутить свою значимость для других.
- Активизация социальных связей. Пожилых нужно стимулировать на сохранение и даже возобновление социальных связей с внешним миром
- Медицинский контроль, который позволит выявить нарушения физического и психического здоровья, предупредить развитие патологических форм заболеваний.
- Использование различных терапевтических методов. В системе социально-психологической адаптации пожилых значительную роль играют дискуссионная терапия, коммуникативные методы, поведенческая терапия, различные виды арт-терапии.

Объекты и методы

В период с октября 2024 года по февраль 2025 года нами было проведено исследование среди пожилых людей, которые являются получателями социальных услуг в МБУСОССЗН «Комплексный центр социального обслуживания населения» Ивнянского района Белгородской области.

Цель исследования - выявление рисков социально-психологической дезадаптации среди граждан пожилого возраста и определение мер для их успешной адаптации.

Респондентами выступили 50 пожилых людей, из них 70% – женщины, 30% – мужчины.

В качестве инструментария была использована анкета «Факторы риска социально-психологической дезадаптации пожилых людей» и тест «Индекс жизненной удовлетворённости» (Neugarten А.О., адаптация Н.В. Паниной).

Цель методики: диагностика уровня удовлетворенности жизнью, особенностей общего психологического состояния человека, степени его психологического комфорта и социально-психологической адаптированности личности пожилого человека.

Научные результаты и дискуссия

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты.

Анкетирование пожилых граждан предполагало оценку основных факторов риска, которые могут способствовать развитию дезадаптивных состояний в старости.

Так, оценивая удовлетворенность своей жизнью, 70% ответили утвердительно, отмечая, что могут считать себя успешным человеком, 30% собственной жизнью не удовлетворены.

Ранее мы отмечали, что наличие близких отношений, эмоциональной связи может снижать риски дезадаптации, поэтому один из вопросов анкеты был связан с ощущением чувства одиночества.

При ответе на вопрос анкеты «Считаете ли Вы себя одиноким?» 74% опрошенных пожилых людей ответили отрицательно, что может свидетельствовать об имеющейся поддержке со стороны близких людей, устойчивой сети социальных связей; 26% отмечают чувство одиночества и ненужности. При этом об удовлетворенности своим семейным положением заявили 60% опрошенных, 40% высказали отрицательный ответ.

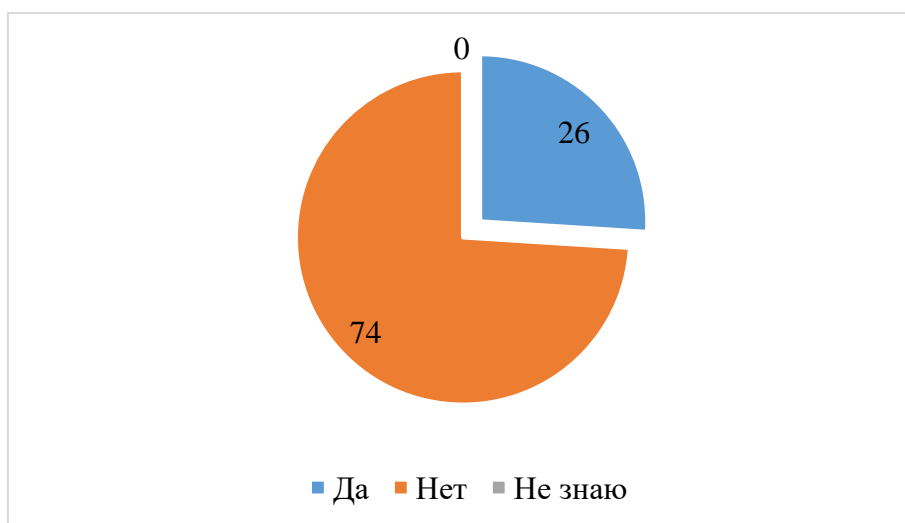

Рисунок 1 – Распределение ответов исследуемых пожилых людей на вопрос анкеты «Считаете ли Вы себя одиноким?»

Figure 1 - Distribution of answers of the surveyed elderly people to the question “Do you consider yourself lonely?”

Следующий блок вопросов был посвящен изучению социально-психологического состояния человека в период смены социального статуса в связи с прекращением трудовой деятельности (выход на пенсию)

При ответе на вопрос анкеты «Какого рода эмоциональные переживания у вас возникают в связи с выходом на пенсию?» 20% пожилых людей назвали позитивные эмоции, что свидетельствует о благополучной адаптации к ситуации выхода на пенсию, 40% респондентов оценили свои эмоции как отрицательные, причиной чего могут быть ожидания, которые не оправдались на пенсии, 40% опрошенных отметили, что сложно отнести переживания к какой-либо категории и обозначили их как «нейтральные».

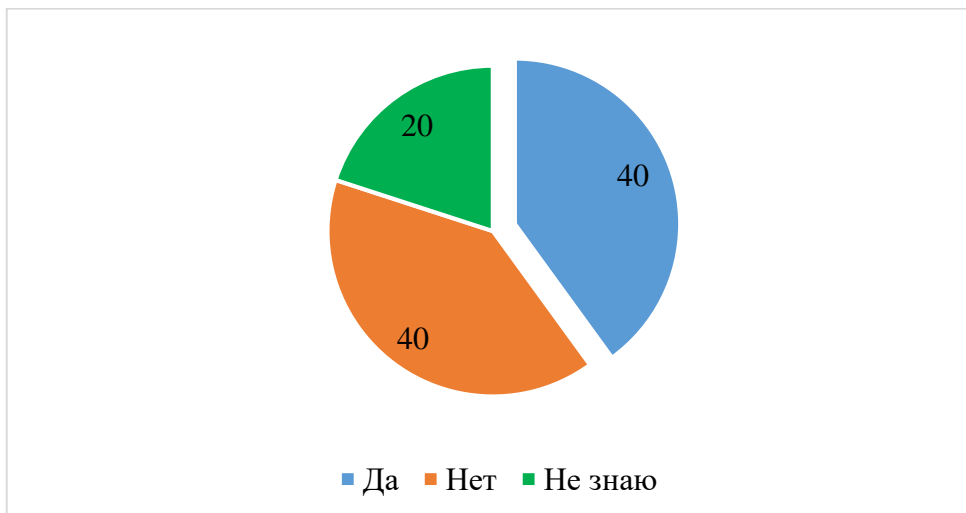

Рисунок 2 – Распределение ответов исследуемых пожилых людей на вопрос анкеты «Какого рода эмоциональные переживания у вас возникают в связи с выходом на пенсию?»

Figure 2 - Distribution of answers of the surveyed elderly people to the question “What kind of emotional experiences do you have in connection with retirement?”

На вопрос анкеты «Хотели бы вы продолжить трудовую деятельность?» 52% пожилых людей ответили, что «да, хотели бы и продолжают», что может свидетельствовать о важности для пожилого человека поддержания социальной активности, поддержания финансового благополучия. 40% пожилых людей не планируют возвращаться к трудовой деятельности, 8% граждан пожилого возраста затруднились дать ответ на этот вопрос.

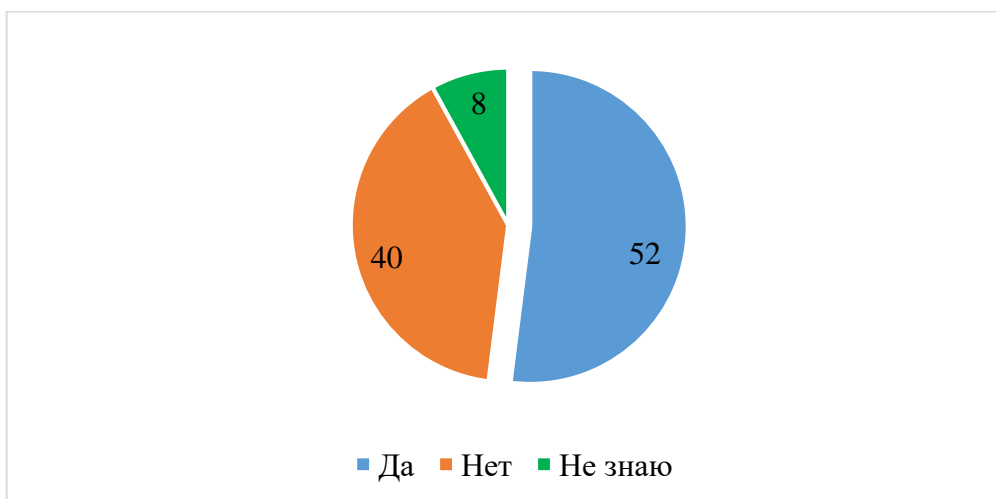

Рисунок 3 – Распределение ответов исследуемых пожилых людей на вопрос анкеты «Хотели бы вы продолжить трудовую деятельность?»

Figure 3 - Distribution of answers of the surveyed elderly people to the question “Would you like to continue labor activity?”

При ответе на вопрос анкеты «Вы решили, чем будете заниматься с выходом на пенсию?» 50% пожилых людей ответили «Да», 40% ответили отрицательно и 10% пожилых людей затруднились дать ответ на этот вопрос.

Отсутствие планов после смены вида деятельности может выступать фактором риска, осложняющим процесс адаптации к выходу на пенсию, повышая тревожность, неустроенность и чувство одиночества (ненужности) у пожилых людей.

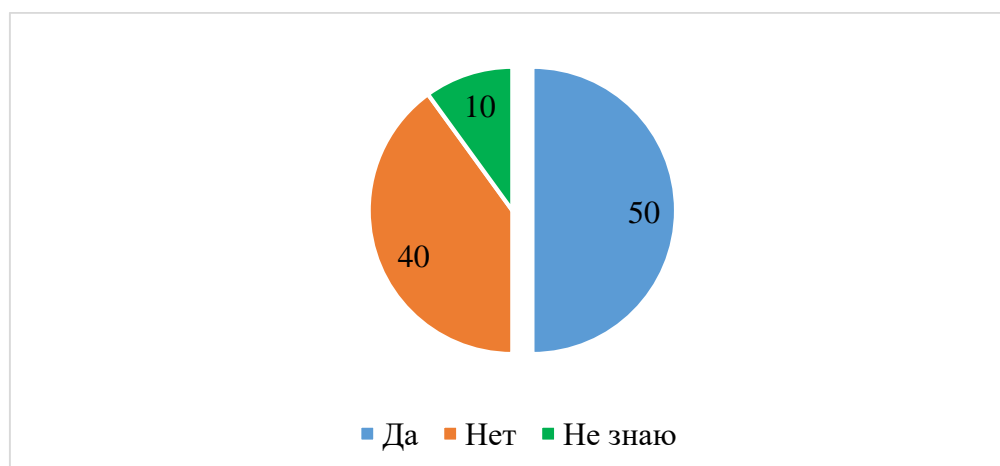

Рисунок 4 – Распределение ответов исследуемых пожилых людей на вопрос анкеты «Вы решили, чем будете заниматься с выходом на пенсию?»

Figure 4 – Distribution of answers of the surveyed elderly people to the question “Have you decided what you will do when you retire?”

Оценивая необходимость предоставления социально-психологических услуг граждан пожилого возраста, в том числе в ситуации подготовки к выходу на пенсию, респонденты ответили следующим образом:

52% опрошенных считают, что пожилые люди не нуждаются в психологической помощи, ответили, 40% респондентов отметили, что такие услуги нужны и могут быть полезны для преодоления сложных ситуаций, для улучшения психологического состояния, 8% пожилых людей затруднились ответить.

По результатам диагностики уровня удовлетворенности жизнью, особенностей общего психологического состояния, степени психологического комфорта и социально-психологической адаптированности личности исследуемых пожилых людей использовали по методике «Индекс жизненной удовлетворённости» выявлено, что 64% обследуемых пожилых человека показали низкий уровень жизненной удовлетворенности.

Данная категория пожилых людей характеризуется наличием низкого интереса к жизни, низкого энтузиазма, негативного отношения к обычной повседневной жизни. Такие пожилые люди, не решительны, характеризуются низкой стойкостью, направленной на достижение целей. Такие пожилые люди характеризуются пассивным примирением с жизненной неудачей, покорно принимают все, что приносит им жизнь; убеждены в том, что они не способны достигать те цели, которые считают для себя наиболее важными; негативно оценивают себя и собственные поступки, свои внешние и внутренние качества. У таких пожилых людей наблюдается заниженная самооценка и пониженный общий фон настроения, пессимизм.

10% обследуемых пожилых людей показали наличие среднего уровня жизненной удовлетворенностью.

26% обследуемых пожилых людей показали наличие высокого уровня жизненной удовлетворенностью. Пожилые люди, удовлетворенные собственной жизнью, проявляют интерес к жизни, отличаются энтузиазмом, позитивным отношением к обычной повседневной жизни, характеризуются высокой стойкостью, направленной на достижение целей. Такие пожилые люди убеждены в том, что они способны достигать те цели, которые считают для себя наиболее важными; они позитивно оценивают себя и собственные поступки, свои внешние и внутренние качества. У таких пожилых людей наблюдается адекватная самооценка и повышенный общий фон настроения, оптимизм, способность получать от жизни удовольствие.

Результаты определения удовлетворенности жизнью у исследуемых пожилых людей

представлены на рисунке 5.

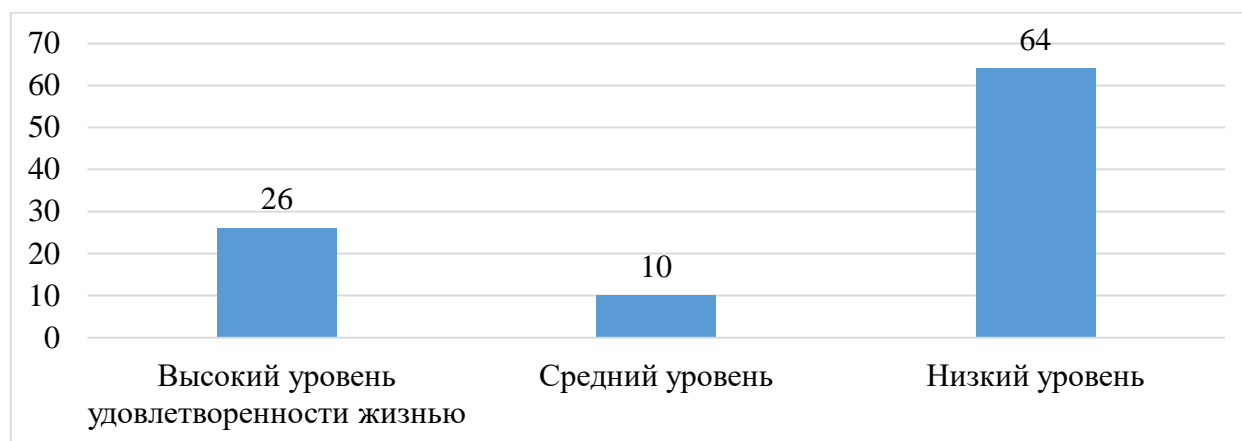

Рисунок 5 – Результаты определения удовлетворенности жизнью у исследуемых пожилых людей
Figure 5 – Results of life satisfaction in the elderly people under study

Полученные результаты позволяют определить основные направления профилактической работы для преодоления рисков социально-психологической дезадаптации пожилых людей:

- стабилизация эмоционального состояния, улучшение настроения, создание позитивного настроения;
- профилактика депрессивных (стрессовых) состояний;
- снятие психоэмоционального напряжения;
- активизация собственного потенциала пожилого человека;
- предотвращение самоизоляции, одиночества;
- овладение навыками саморегуляции, восстановления сил;
- принятие себя и окружающего мира;
- решение собственных (личных) психологических проблем (при личном обращении или при выявлении с помощью диагностических методик);
- повышение уровня жизненной активности.

Заключение

Результаты проведенной нами диагностики на базе МБУ СОССЗН «Комплексный центр социального обслуживания населения» Ивнянского района Белгородской области свидетельствуют о необходимости оказания социально-психологической помощи пожилым людям на базе центра социального обслуживания в целях профилактики социально-психологической дезадаптации и повышения адаптационного потенциала граждан пожилого возраста.

Для успешной адаптации пожилым людям необходимо поддерживать активный образ жизни, находить новые увлечения, укреплять социальные связи, обращаться за психологической помощью при необходимости и адаптироваться к меняющимся физическим возможностям. Важно помнить, что процесс старения – это естественный этап жизни, и при правильном подходе можно сохранить качество жизни и благополучие в пожилом возрасте.

Список литературы

Гурьянова, И.В. Психологические факторы эмоциональной дезадаптации пожилых людей // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2020. – С. 162-164.

Карпушина, Н.В. Социально-психологические факторы дезадаптации пожилых людей // Социальные отношения. – 2020. – № 4 (11). – С. 36-42.

Корчагина, Л.М. Психосоциальные технологии преодоления социальной дезадаптации различных групп населения // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. – Рязань, 2021. – С. 120-125.

Мусина-Мазнова, Г.Х., Сорокина, И.А., Потапова, И.А. Типологические особенности социальной адаптированности и дезадаптированности людей пожилого возраста // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 7. – С. 23-28.

Новикова, А.А., Гарсиева, И.И., Новиков, Р.А. Технологии психологической поддержки пожилых людей по профилактике дезадаптации в посттрудовой период // Теоретические и практические исследования XXI века. – 2020. – С. 138-140.

Суворова, Н.В., Мамуркова, А.М. Социально-психологические факторы адаптации пожилых людей // Молодёжь Сибири – науке России. – 2019. – С. 216-218.

References

Guryanova, I.V. (2020), Psychological factors of emotional maladaptation of elderly people, *Actual problems of modern science, technology and education*, pp. 162-164. (In Russian).

Karpushina, N.V. (2020), Socio-psychological factors of maladaptation of the elderly, *Social relations*, No. 4 (11), pp. 36-42. (In Russian).

Korchagina, L.M. (2021), Psychosocial technologies for overcoming social maladaptation of various population groups, *Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society*, pp. 120-125. (In Russian).

Musina-Maznova, G.H., Sorokina, I.A. and Potapova, I.A. (2020), Typological features of social adaptation and maladaptation of elderly people, *Society: sociology, psychology, pedagogy*, No. 7, pp. 23-28. (In Russian).

Novikova, A.A., Garsieva, I.I. and Novikov, R.A. (2020), Technologies of psychological support for the elderly in the prevention of maladaptation in the post-labor period, *Theoretical and practical research of the XXI century*, pp. 138-140. (In Russian).

Suvorova, N.V. and Mamurkova, A.M. (2019), Socio-psychological factors of adaptation of the elderly, *In the collection: Youth of Siberia – the science of Russia*, pp. 216-218. (In Russian).

Конфликт интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Информация об авторах

Полубояринова Наталья Ивановна, заместитель директора по общим вопросам, МБУ СОССЗН «Комплексный центр социального обслуживания населения» Ивнянского района Белгородской области, п. Ивня, Белгородская область, Россия.

Information about the author

Natalia I. Poluboyarinova, Deputy Director for General Affairs, MBU SSSZN “Integrated Center for Social Services of the Population” of the Ivnyansky district of the Belgorod region, Ivnya village, Belgorod region, Russia.

**ИНКЛЮЗИВНАЯ СРЕДА И РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ
INCLUSIVE ENVIRONMENT AND REHABILITATION PRACTICES**

УДК 159.922.5

DOI 18413/2949-267X-2025-4-1-0-2

**Взаимосвязь копинга и суицидального риска
у людей с инвалидностью в Беларуси**

¹ Тарасевич В.А., ¹ Басинская И.В.,

¹ Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4

E-mail: vika.tarasevich.2001@gmail.com, 3075007@mail.ru

Аннотация. Проблемы суицидального риска людей с инвалидностью обусловлены их значительным количеством не только в Республике Беларусь, но и во всем мире. Самоубийства и попытки суицида не только отнимают жизни людей, но и влияют на ближайший круг суицидента, временно дезадаптируя родственников, друзей, вызывая чувство вины, обиды или злости. Мы рассмотрели инвалидность как определенную кризисную ситуацию, требующую разрешения посредством различных стратегий копинга.

Проблема взаимосвязи копинга и суицидального риска у людей с инвалидностью остается мало изученной. Целью данного исследования является изучение стратегий копинга и суицидального риска у людей с инвалидностью, а также проверка их взаимосвязи. Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 46 людей с инвалидностью в возрасте от 18 до 50 лет. В результате мы выявили наиболее характерные стратегии, а также статистически достоверно обнаружили прямую взаимосвязь между стратегией бегства-избегания и суицидальным риском. Результаты исследования будут полезны в изучении данного феномена и помогут более эффективно оказывать помощь данной категории населения.

Ключевые слова: стратегии совладающего поведения, копинг, люди с инвалидностью, суицид, суицидальное поведение, суицидальный риск.

Для цитирования: Тарасевич, В.А. Взаимосвязь копинга и суицидального риска у людей с инвалидностью в Беларуси / В.А. Тарасевич, И.В. Басинская // Научные результаты в социальной работе. – 2025. – Т. 4, № 1. – С.13–21. DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-2

**The Relationship between Coping and Suicidal Risk
in Persons with Disabilities**

¹ Victoria A. Tarasevich, ¹ Irina V. Basinskaya,

¹ Belarusian State University

4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Republic of Belarus

E-mail: vika.tarasevich.2001@gmail.com, 3075007@mail.ru

Abstract. The problems of suicide risk of persons with disabilities are caused by their significant number not only in the Republic of Belarus, but also all over the world. Suicides and suicide attempts, not only take people's lives, but also affect the closest circle of the suicidal person, temporarily de-adapt relatives, friends, causing feelings of guilt, resentment or anger. We have considered disability as a specific crisis situation that requires resolution through various coping strategies.

The problem of the relationship between coping and suicide risk in people with disabilities remains poorly understood. The purpose of this study is to study coping strategies and suicide risk in people with disabilities, as well as to verify their relationship. We conducted a study in which 46 people with disabilities between the ages of 18 and 50 participated. As a result, we identified the most characteristic strategies, and

also statistically significantly found a direct relationship between the escape-avoidance strategy and suicidal risk. The results of the study will be useful in studying this phenomenon and will help to provide more effective assistance to this category of the population.

Keywords: coping strategies, coping, persons with disabilities, suicide, suicidal behavior, suicide risk.

For citation: Tarasevich, V.A. and Basinskaya, I.V. (2025), Relationship between coping and suicide risk in persons with disabilities in Belarus, *Research results in social work*, Vol. 4, No. 1, pp. 13–21. (in Russian). DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-2

Введение

Каждый год в мире от суицида погибает около миллиона человек. Это составляет 1.5 % от всех смертных случаев. В Республике Беларусь на сегодняшний день инвалидность имеют 741 427 человек, что составляет 7.93% от всего населения (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2025).

Мы можем рассматривать инвалидность, как определенную кризисную ситуацию, требующую либо ее разрешения, либо изменения отношения к ней. Каждый индивид формирует стратегии преодоления ситуаций соответственно со своим личным опытом, психологическими резервами и возможностями. В связи с этим становится актуальным вопрос, касающийся эффективного совладания с трудными жизненными ситуациями.

Часто люди, имеющие значительные физические ограничения, заводят семьи, активно работают, полноценно участвуют в социальной и политической жизни общества. Тогда как другие, иногда гораздо менее физически ослабленные личности, не могут добиться включенности в общество, самореализации и экономической активности.

Центральный вопрос данного исследования заключается в том, чтобы выяснить, какие стратегии совладающего поведения используют люди с инвалидностью, каков их суицидальный риск, а также проверить существование взаимосвязи между ними. Понимание того, каким образом связаны совладающее поведение и суицидальный риск у людей с инвалидностью, позволит своевременно оказывать релевантную помощь данной категории населения в предотвращении попытки суицида.

Материалы и методы исследования

Научной разработкой проблемы суицида занимались такие ученые, как Э. Дюркгейм, Э. Шнейдман, А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко, М. Farber, З. Фрейд, И.Г. Зальцман, Д. Вассерман, Н.О. Бердяев. Проблемы стратегий совладающего поведения, а также особенности совладающего поведения у людей с инвалидностью активно разрабатывались в отечественной литературе, в лице О.Е. Олениной, Л.И. Богомаз, Е.В. Романовой, О.Н. Толкачевой, Е.Л. Ковалевой, С. Л. Анцыферовой, В.А. Бодровой, С.В. Фроловой и др., в зарубежной психологии этот вопрос изучали: Д. Амирхан, Р. Лазарус, Дж. Роттер, Н. Селье, Р. Плутчик, С. Фолкман и др. Склонность к суицидальному поведению у людей с инвалидностью мы рассматривали у таких авторов как Э. Слайтер, В.В. Хохлов, В.М. Сорокин, И.А. Погодин, E. Jones, D. Lollar.

Согласно подходу R. Lazarus и S. Folkman, совладающее поведение (копинг) – динамический процесс, постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие попытки управлять внутренними и внешними требованиями, которые оцениваются как напрягающие или предвосхищающие ресурсы личности [Lazarus 1984: 52]. Их классификация включает восемь основных стратегий копинга:

- 1) планирование решения проблемы – предполагает прикладывание усилий по изменению ситуации, включающих аналитический подход к решению проблемы;
- 2) конфронтационные стратегии заключаются в применении агрессивных действий для изменения ситуации, некоторой враждебности и готовности идти на риск;

- 3) принятие ответственности – признание своей роли в возникновении проблемы, в последствиях и попытки её решения;
- 4) самоконтроль – регулирование собственных эмоций и действий;
- 5) положительная переоценка – переосмысливание ситуации, стремление найти что-то хорошее;
- 6) поиск социальной поддержки заключается в обращении за помощью извне;
- 7) дистанцирование – стремление когнитивно отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость;
- 8) бегство-избегание – стратегия поведения, позволяющая человеку не решать проблемную ситуацию, а всячески избегать ее. Она дает только временное эмоциональное облегчение.

Е.Л. Ковалева в проведенном исследовании утверждает, что, чем больше человек находится в ситуации инвалидности, тем больше он адаптируется к ней и тем более выраженной является стратегия положительной переоценки, что способно привести к виктимизации [Ковалева 2016: 95].

Е.В. Морозова в своем исследовании также выделяет адаптированных и неадаптированных людей с инвалидностью. Адаптированные пациенты чаще применяют конструктивные стратегии копинга такие, как планирование решения, конфронтацию, принятие ответственности. Они способны переосмыслить свои изменившиеся возможности и жизненные планы, корректировать будущие перспективы и относиться к себе «более реально», адекватно оценивая свою самоэффективность, учитывая, что теперь возможно, а что является недоступным, о чем свидетельствует адекватная самооценка «уровня своей инвалидности», отсутствие чувства ущербности, а также отсутствие в структуре совладающего поведения неконструктивных (дезадаптирующих) эмоциональных стратегий, в то время как основной совладающей стратегией у этих пациентов является – «оптимизм», они стремятся решить свою проблему [Морозова 2011: 60].

Суицидальный риск и суицидальное поведение рассматривались в рамках концепции социо-психологической дезадаптации личности под влиянием психотравмирующих факторов. Эта концепция говорит о том, что суицид может возникать и у психически здоровых людей в ответ на чрезвычайные обстоятельства. Люди, имеющие инвалидность, часто находятся в группе суицидального риска, так как их заболевания или некоторые особенности развития не только сильно ограничивают практически все сферы жизни: экономическую, политическую социальную и духовную – но и порождают специфические проблемы, требующие их решения. Такие авторы как Э. Слайтер, D.D. Huntington, W.N. Bender, E. Jones, D. Lollar, Y. Lunsky, P. Raina считают, что «типичные» проблемы, с которыми люди сталкиваются в различном возрасте, могут усугубляться опытом жизни людей с ограниченными возможностями здоровья, если их невозможно конструктивно преодолеть [Слайтер 2017; Bender 1999; Huntington 1993; Jones 2008; Lunsky 2012].

Особенности жизни с инвалидностью могут включать в себя социальную изоляцию, медицинские проблемы, отсутствие поддержки со стороны окружающих, стресс, вызванный дискриминацией или недостатком независимости, а также психологические проблемы, связанные с травмой, отказом, депрессией или тревожностью.

В.В. Хохлов в своем исследовании склонности к суицидальному поведению указывает, что суицидальное поведения у инвалидов и у лиц с ограниченными возможностями здоровья чаще всего связано с глубокой депрессией, вызванной наличием дефекта, нарушения или заболевания, а также проблемами, вытекающими из этой ситуации [Хохлов 2020: 5]. Это совпадает и с мнением Всемирной организации здравоохранения, которая, заявляет, что данной категории свойственен вдвое больший риск развития депрессии.

Своеобразие суицидального поведения у инвалидов, имеющих неизлечимые прогрессирующие заболевания, характеризуется тем, что они теряют интерес к жизни, для

них характерны бессонница, апатия, отсутствие аппетита, гнев и агрессия по отношению к близким родственникам, по отношению к здоровым людям, к врачам и т.д. [Хохлов 2020: 7].

Частой причиной ухода из жизни также является неприспособленность к внешней жизни, отсутствие необходимой социальной адаптации, наличием фрустрации, что может является причиной использования неконструктивных стратегий поведения [Хохлов 2020: 8]. Если человек не найдет конструктивный тип совладания с проблемной ситуацией, то это может привести к состоянию фрустрации. Состояние фрустрации способно вызвать социальную дезадаптацию, что, по мнению А. Г. Амбрумовой, считается наиболее весомым фактором, способным привести к суицидальному поведению [Нашкенова 2012: 20].

Людам с инвалидностью труднее войти и в образовательную среду, так как посещение образовательного учреждения для человека с ограничениями сопряжено с рядом трудностей: отсутствие безбарьерной среды, недоступность общественного транспорта, ограниченное количество социального такси, непринятие сверстниками, организация самообслуживания на протяжении занятий и т.д.

Как показано в работе В.А. Тарасевич, эффективное совладание возможно, если образовательная среда доступна и используются конструктивные стратегии копинга. Если же преобладают неэффективные стратегии (например, бегство-избегание или чрезмерная конфронтация), это может привести к дезадаптации и возрастанию суицидального риска [Тарасевич 2024: 180].

В рамках данной работы было организовано и проведено эмпирическое исследование для изучения того, какие стратегии совладающего поведения используют люди с инвалидностью, каков их суицидальный риск, а также проверки существования взаимосвязи между ними. В исследовании приняло участие 46 людей с инвалидностью в возрасте от 18 до 50 лет. Средний возраст – 29,74±9,39. Все испытуемые имели сохранный интеллект и ограничения в передвижении. Среди участвующих с детским церебральным параличом – 19, со спинальной мышечной атрофией – 22, иные заболевания – 5. Среди них 40 человек имеет первую группу инвалидности, 6 человек – вторую.

Диагностический комплект исследования включал в себя методику П.И. Юнацкевича для выявления склонности к суицидальным реакциям (Тест «СР-45» П.И. Юнацкевич) [Пергаменщик 2012: 42] и методику «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман; адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой) [Lazarus 1984: 138].

Научные результаты и дискуссия

Результаты исследования стратегий совладающего поведения у людей с инвалидностью приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Стратегии копинга у людей с инвалидностью (среднее значение)

Table 1

Coping strategies of people with disabilities (average value)

Стратегии копинга у людей с инвалидностью	M±δ*
Конфронтация	55,13±9,80
Дистанцирование	52,35±9,65
Самоконтроль	51,20±8,21
Поиск социальной поддержки	52,26±10,69
Принятие ответственности	49,72±8,94
Бегство-избегание	56,41±7,03
Планирование решения	55,74±9,32
Положительная переоценка	57,40±10,15

*M - среднее арифметическое значение, δ – стандартное отклонение

Можно заметить, что преобладающими стратегиями поведения у людей с инвалидностью являются положительная переоценка ($57,40 \pm 10,15$), бегство-избегание ($56,41 \pm 7,03$) и планирование решения ($55,74 \pm 9,32$). Это говорит о том, что наиболее часто данная выборка испытуемых предпочитает преодолевать сложные ситуации посредством:

- положительного переосмысления, рассмотрения проблемы как стимула для личностного роста.
- реагирования по типу уклонения: неоправданных ожиданий, отвлечения, отрицания либо полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, употребление алкоголя и т. п., с целью снижения мучительного эмоционального напряжения.
- целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

Таким образом для людей с инвалидностью будет характерно ориентированность на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием, благодаря переосмыслению проблемной ситуации, однако есть вероятность недооценки личностью возможностей действенного разрешения проблемной ситуации. Также они используют адаптивную стратегию целенаправленного и планомерного разрешения проблем, однако, у них есть вероятность чрезмерной рациональности, недостаточной эмоциональности, интуитивности и спонтанности в поведении. Тем не менее, многие из них избегают решать свои проблемы, что обуславливает накопление трудностей и эмоционального напряжения и появление фрустрации.

Данная группа реже использует такие стратегии, как принятие ответственности ($49,72 \pm 8,94$) и самоконтроль ($51,20 \pm 8,21$). Это значит, что люди, имеющие ограничения в мобильности, не всегда признают свою роль в возникновении проблемы, считают, что не несут ответственности за ее решение, им не хватает самокритичности. Также данная выборка испытуемых не всегда способна контролировать свое поведение, сдерживать эмоции, для них характерно наличие импульсивных поступков.

Далее для выявления суицидального риска была использована методика «Диагностика СР-45» (П.И. Юнацкевич). Наглядно уровень суицидального риска представлен на диаграмме (рис. 1).

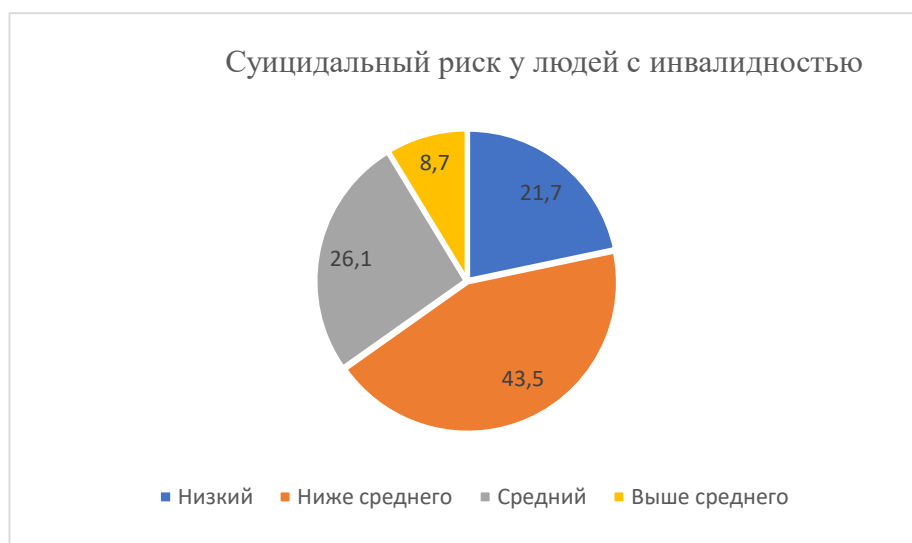

Рис 1. Уровень суицидального риска у людей с инвалидностью (%)
Figure 1. Level of suicide risk in persons with disabilities

На приведенной диаграмме видно, что люди со средним суицидальным риском и с суицидальным риском выше среднего составляют больше трети от обследуемой выборки 16 человек 34,8% (26,1% и 8,7% соответственно), а с уровнем ниже среднего и низким – 30 человек 65,2% (43,5% и 21,7%, соответственно). Также в данной группе испытуемых не было обнаружено ни одного человека с высоким суицидальным риском.

Для проверки существования взаимосвязи между стратегиями совладающего поведения и суицидальным риском у людей с инвалидностью, нами был проведен корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В Таблице 2 отображены результаты расчета критериев с применением программы SPSS 23.0 (табл. 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа между стратегиями копинга и суицидальным риском у людей с инвалидностью

Table 2

Results of correlation analysis between coping strategies and suicide risk in persons with disabilities

Анализируемые переменные	Коэффициент корреляции, r_s	Уровень значимости, p
Суицидальный риск & Конфронтация	0,287	0,053
Суицидальный риск & Дистанцирование	-0,004	0,979
Суицидальный риск & Самоконтроль	-0,045	0,764
Суицидальный риск & Поиск социальной поддержки	-0,063	0,678
Суицидальный риск & Бегство-избегание	0,369	0,012
Суицидальный риск & Принятие ответственности	0,036	0,812
Суицидальный риск & Планирование решения	-0,077	0,610
Суицидальный риск & Положительная переоценка	-0,027	0,856

Корреляционный анализ показал, что у людей с инвалидностью существует статистически значимая прямая связь между стратегией бегства-избегания и суицидальным риском ($r_s=0,369$; $p \leq 0,05$). Значит, чем чаще люди с инвалидностью склонны к избеганию своих проблем, тем более вероятным становится самоубийство.

Малочисленность выборки накладывает определенные ограничения на данную работу и открывает перспективы для дальнейших исследований взаимосвязи стратегий совладающего поведения и суицидального риска у людей с инвалидностью.

Заключение

Проведенный нами теоретический анализ научной литературы показал, что жизнь людей с инвалидностью полна не только обычными проблемами, с которыми встречаются все люди время от времени, но и имеет свою специфичность. Осознание своего дефекта и непохожести на других, низкая самооценка, одиночество, отстраненность от жизни в обществе, сложность в получении образования, невыносимая физическая боль, внезапная травма, усугубляющая инвалидность или приводящая к ней, отчаяние из-за прогрессирующего заболевания или приближения смерти, низкая адаптивность, фрустрация из-за неспособности преодолевать трудности, а также пренебрежение со стороны сверстников и общества – все эти факторы усложняют жизнь данной категории, непосредственным образом влияют на выбор ими стратегии совладающего поведения и делают возможность суицида более вероятным.

Эмпирическое исследование указывает на то, что люди с инвалидностью часто прибегают к стратегиям эмоционально-ориентированного поведения таким, как положительная переоценка и бегство-избегание. Это значит, что они редко считают, что в сложившейся ситуации могут что-то изменить, кроме своего отношения к ней, склонны избегать решения своих проблем. Для них будет характерно нежелание решать собственные проблемы, неспособность понять вину или свою роль в сложившейся ситуации, поиск выгод в собственном заболевании. В меньшей степени они используют стратегию планирования решения. Данная выборка имеет невысокий суицидальный риск, так только у трети испытуемых риск суицида средний и выше среднего и нет ни одного испытуемого с высоким суицидальным риском.

Выявлена статистически достоверная прямая взаимосвязь между копинг-стратегией «бегство-избегание» и суицидальным риском. Данная взаимосвязь может означать, что чем чаще человек избегает собственных проблем, тем больше они фрустрируют, дезадаптируют его, что, предположительно, будет способствовать повышению суицидального риска.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым обучать людей с инвалидностью и членов их семей конструктивным стратегиям поведения. Это поможет вывести изучаемую категорию из позиции жертвы, научит решать свои проблемы активно и конструктивно, а, значит, значительно повысит уровень их жизни и позволит снизить суицидальный риск.

Список источников

Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024 г. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 10.01.2025).

Список литературы

Ковалева, Е.Л. Копинг-стратегии людей с инвалидностью с разными уровнями ролевой виктимности // Клиническая и специальная психология. – 2016. – Том 5. № 4. – С. 93–102.

Морозова, Е.В. Влияние субъективного отношения к инвалидности на приверженность к реабилитации / Е.В. Морозова, С.В. Шмелева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 7(95). – С. 58–61.

Нашкенова, А.М. О факторах риска суицидального поведения // Вестник КазНМУ. – 2012. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-faktorah-riska-suitsidalnogo-povedeniya> (дата обращения: 21.09.2024).

Пергаменщик, Л.А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. – Минск: Издательство Гревцова, 2012. – 340 с.

Слайтер, Э. Изучение склонности к суицидальному поведению среди молодежи с ограниченными возможностями здоровья при переходе к самостоятельному проживанию: возможности применения в практической социальной работе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2017. – № 1 – С. 50–64.

Тарасевич, В.А. Образовательная среда и совладающее поведение как антисуицидальные факторы у людей с инвалидностью / В. А. Тарасевич, И.В. Басинская // Перспективы развития высшей школы: материалы V межд. науч.-практ. конф., в 3-х томах, т. 2 под ред. Л.К. Иляшенко. – Тюмень: ТИУ, 2024. – С. 179-183.

Хохлов, В.В. Исследование склонности к суицидальному поведению у молодых инвалидов: автореф. выпускной квалификационной работы, бакалаврской работы. – Саратов. нац. исслед. гос. ун. им. Н.Г. Чернышевского, 2020. – 10 с.

Bender W.N. Stress, depression, and suicide among students with learning disabilities: Assessing the risk. / W.N. Bender, C.B. Rosenkrans, M.K. Crane // Learning Disability Quarterly. 1999. № 22. P. 143–156.

Huntington D.D. Adolescents with Learning Disabilities at Risk? Emotional Well-Being, Depression, Suicide // *Journal Of Learning Disabilities* 1993. № 26(3). PP. 159-166.

Jones E. Relationship between physical disabilities or long-term health problems and health risk behaviors or conditions among U.S. high school students. // *Journal of School Health*. 2008. 78(5). P. 252–257.

Lazarus, R.S. *Stress, appraisal and coping*. // New York: Springer Pub. Co. 1984. 445 p.

Lunsky, Y. Suicidality among adults with intellectual disability. / Y. Lunsky, P. Raina, P. Burge // *Journal of Affective Disorders*. 2012. № 3 – P. 292–295.

References

Kovaleva, E.L. (2016), Coping Strategies in People with Disability and Differences in Level of Role Victimization, *Clinical Psychology and Special Education*, Vol. 5, No. 4, pp. 93–102. doi: 10.17759 /psycljn.2016050407 (in Russian).

Morozova, E.V. and Shmeleva, E.V. (2011), Vliyaniye subyektivnogo otnosheniya k invalidnosti na priverzhennost k reabilitatsii, *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta*, No. 7 (95), pp. 58-61, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20810807>, (data obrashcheniya: 15.10.2023). (in Russian).

Nashkenova, A.M. (2012), O faktorah riska suicidal'nogo povedeniya, *Vestnik KazNMY*, No. 4, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-faktorah-riska-suitsidalnogo-povedeniya>, (data obrashcheniya: 20.10.2024). (in Russian).

Pergamenshchik, L.A. and Puzyrevich, L.A. (2012), Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiyakh, Minsk.

Slyater, E. (2017), Suicidality among transitional-aged youth with disabilities: implications for social work practice, *Bulletin of Moscow Region State University*, No. 1, pp. 50–64, DOI: 10.18384/2310-7235-2017-1-50-64. (in Russian).

Tarasevich, V.A. and Basinskaja, I.V. (2024), Obrazovatel'naja sreda i sovladajushhee povedenie kak antisuicidal'nye faktory u ljudej s invalidnost'ju, *Perspektivy razvitija vysshej shkoly: materialy V Int. nauch-pract. conf., t. 2 pod red. L.K. Iljashenko*, Tyumen: TIU, pp. 179-183, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=73338134>, (data obrashcheniya: 25.10.2024). (in Russian).

Khokhlov, B.V. (2020), Investigation of suicidal behavior in young people with disabilities: abstract. final qualification work, bachelor's work, Sarat. native research State University named after N.G. Chernyshevsky. (in Russian).

Bender, W.N., Rosenkrans, C.B. and Crane, M.K. (1999), Stress, depression, and suicide among students with learning disabilities: Assessing the risk, *Learning Disability Quarterly*, No. 22, pp. 143–156. DOI:10.2307/1511272

Huntington, D.D. and Bender, W.N. (1993), Adolescents with Learning Disabilities at Risk? Emotional Well-Being, Depression, Suicide, *Journal of Learning Disabilities*, No. 26(3), pp. 159–166. DOI: 10.1177/002221949302600303

Jones, E. and Lollar, D. (2008), Relationship between physical disabilities or long-term health problems and health risk behaviors or conditions among U.S. high school students, *Journal of School Health*, No.78(5), pp. 252–257. DOI: 10.1111/j.1746-1561.2008.00297.x

Lazarus, R.S. and Folkman, S. (1984), *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer Pub. Co.

Lunsky, Y., Raina, P. and Burge, P. (2012), Suicidality among adults with intellectual disability, *Journal of Affective Disorders*, No. 3, pp. 292–295. DOI: 10.1016/j.jad.2012.03.013

**Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.**

Информация об авторах

Тарасевич Виктория Александровна, студент 5 курса специальности «Социальная работа» (социально-психологическая деятельность) кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Басинская Ирина Валентиновна, старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Information about the authors

Victoria A. Tarasevich, student of the 5th year of the specialty “Social Work” (socio-psychological activity) of the Department of Social Work and Rehabilitation Science of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Irina V. Basinskaya, senior lecturer at the Department of Social Work and Rehabilitation, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL WORK

УДК 364.043.4

DOI 18413/2949-267X-2025-4-1-0-3

Проблемы организации социальной поддержки замещающих семей и граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание

¹ Рудычева К.Н.,

¹ Государственное бюджетное учреждение города Москвы
Центр содействия семейному воспитанию «Наш дом»,
Россия, 121309, г. Москва, ул. Новозаводская, д.19 А, стр.2
E-mail: rudychevakn@social.mos.ru

Аннотация. Система предварительного отбора кандидатов в приемные родители и их обучение в Школе приемных родителей направлены на профилактику рисков, которые могут возникнуть на этапе передачи ребенка в семью. Однако период обучения отдален во времени, и на момент принятия ребенка родители испытывают сложности с применением тех знаний, которые они получали. Результаты опроса граждан, желающих принять ребенка в семью, и экспертов в области опеки попечительства, показали наличие проблем, которые зачастую требуют оперативного вмешательства специалистов. Деструктивное поведение, психологические особенности детей, имеющих опыт сиротства, преодоление конфликтных ситуаций и другие вопросы периода первичной взаимной адаптации семьи и ребенка могут быть решены через организация непрерывной социально-психологической и социально-педагогической поддержки для бесшовного перехода семей из служб, занимающихся жизнеустройством детей-сирот, в систему социального сопровождения приемных семей.

Ключевые слова: замещающие семьи, подготовка приемных родителей, социальная поддержка кандидатов в приемные родители.

Для цитирования: Рудычева, К.Н. Проблемы организации социальной поддержки замещающих семей и граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание / К.Н. Рудычева // Научные результаты в социальной работе. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 22–29. DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-3

Problems of Organizing Social Support for Foster Families and Citizens Who Wish to Foster a Child (Children) in a Family

¹ Kristina N. Rudycheva,

¹ Assistance Center “Our House”,
19A Novozavodskaya St, Moscow 121309, Russia
E-mail: rudychevakn@social.mos.ru

Abstract. The system of pre-selection of candidates for foster parents and their training in the School of Foster Parents is aimed at preventing risks that may arise at the stage of placing a child in a family. However, the training period is too long and at the moment of adopting a child, parents have difficulties in applying the knowledge they have received. The results of a survey among citizens who wish to adopt a child into a family and experts in the field of guardianship have shown the existence of problems that often require immediate intervention by specialists. Destructive behaviour, psychological characteristics of children with experience of orphanhood, overcoming conflict situations and other problems of the period of primary mutual adaptation of the family and the child can be solved by the organisation of continuous socio-

psychological and socio-pedagogical support for a smooth transition of families from the services dealing with the placement of orphans to the system of social support for foster families.

Keywords: foster families, training of foster parents, social support for foster parent candidates.

For citation: Rudycheva, K.N. (2025), Problems of Organising Social Support for Foster Families and Citizens Who Wish to Foster A Child (Children) in A Family, *Research results in social work*, Vol. 4, No. 1, pp. 22–29. (in Russian). DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-3

Введение

В здоровом сохранении и развитии семьи, трансляции ценностей и укреплении межпоколенческих связей заинтересованно не только общество, но и в целом государство. Первые шаги на пути социализации, усвоения норм и практик построения отношений с другими людьми, человек делает именно в семье, поэтому так важно государству, поддерживать и укреплять институт семьи. Наличие семейных ценностей и ценности ребенка для граждан – один из показателей для специалистов семейного жизнеустройства детей-сирот, по которому принимается решение о передачи ребенка под опеку гражданам. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего разработку эффективных мер государственной поддержки, совершенствование законодательной базы и активное участие гражданского общества.

Ежегодно тысячи детей остаются без попечения родителей по различным причинам, таким как смерть родителей, лишение родительских прав или отказ от ребенка. Хотя устройство таких детей в государственные учреждения обеспечивает базовый уход и образование, оно не может полностью заменить преимущества гармоничного воспитания и развития в полноценной семейной среде. Жизнь в семье оказывает решающее влияние на физическое, психическое и эмоциональное развитие ребенка, создавая условия для его успешной социализации. Семья формирует личность, закладывает основы нравственных ценностей, развивает социальные навыки и способствует успешной адаптации в обществе.

На сегодняшний день Федеральный банк данных содержит 32989 анкеты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые могут быть жизнеустроены в замещающую семью. В 2023 году было размещено 35 729 анкет в Региональном банке данных, а в региональном банке данных по городу Москве находится 7829 анкет детей-сирот, из которых лишь 18 анкет относятся к детям с 1-й группой здоровья, 335 анкет детей, которые имеют 2 группу здоровья, 144 ребенка имеют 3 группу здоровья, 281 анкет детей, имеющих 5 группу здоровья (данные могут меняться ежедневно). Опираясь на имеющиеся ресурсы, граждане осуществляют непростой поиск ребенка, который будет интегрирован в их семейную систему (Региональный банк данных детей-сирот: <https://>).

По сведениям Министерства просвещения Российской Федерации, по форме федерального статистического наблюдения по итогам 2023 года общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации составила 358 006 человек (2022 год – 375 699 чел., 2021 год – 390 949 чел., 2020 год – 406 138 чел.), в том числе:

- 322 628 человек находились на воспитании в семьях (2022 год – 337 598 чел., 2021 год – 351 203 чел., 2020 год – 364 311 чел.);

- 31 654 человека находились под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (2022 год – 34 077 чел., 2021 год – 35 291 чел., 2020 год – 37 373 чел.);

- в отношении 3 724 человек исполнение обязанностей опекуна или попечителя возложено на органы опеки и попечительства (2022 год – 4 024 чел., 2021 год – 4 455 чел., 2020 год – 4 454 чел.) (Министерство просвещения Российской Федерации: <https://>).

Приемное родительство является одним из общепризнанных способов решения проблемы сиротства. Данный подход предполагает, что ребенок-сирота или ребенок, оставшийся без попечения родителей, принимается под опеку на основании распорядительного документа для воспитания в замещающей семье, приемные родители берут на себя обязанность заботиться о ребенке, обеспечивать его необходимыми ресурсами и психологической поддержкой. Они отвечают за воспитание и развитие ребенка, обеспечивая ему защиту и комфорт, необходимые для гармоничного взросления.

Теоретические исследования в области жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, направлены на выявление наиболее эффективных моделей устройства детей в семье. Это включает анализ существующих форм опеки, усыновления, замещающей профессиональной семьи и других альтернативных форм устройства ребенка с целью выявления оптимальных решений для сохранения ребенка в семейной среде. Приемное родительство является одним из методов решения проблемы сиротства. Этот подход предполагает, что ребенок, оставшийся без попечения родителей, принимается на воспитание в семью, которая берет на себя ответственность за воспитание и развитие ребенка, обеспечивает ему необходимую заботу и поддержку.

На 2023 г. на учете семей, желающих принять ребенка/детей на воспитание в семью состояло: 17962 лиц, из них 5099 состоящих в браке, 6654 не состоящие в браке. Снято с учета семей, желающих принять ребенка/детей на воспитание в семью – 17662 человек. Основные причины снятия семей с учета включают: отсутствие успешного подбора ребенка, изменения намерений, решение отказаться от идеи усыновления/опекуна. Для многих семей основной причиной отказа от усыновления или опеки стала неудовлетворенность состоянием здоровья ребенка, а также другие факторы, такие как потеря интереса к усыновлению или опеки, изменение жизненных обстоятельств, переезд, или потеря мотивации.

Число лиц, прошедших подготовку в школе приемных родителей на 2023 г.: 23415 человек, из них 9191 – состоят в браке, 7389 – не состояли в браке. Число семей, которые не смогли подобрать ребенка за отчетный год 11836, из них: 4971 в связи с желанием принять на воспитание ребенка, имеющего 1-2 группу здоровья, 2898 имеющие желание принять ребенка до 7 лет (Федеральная служба государственной статистики: <https://>).

Для создания здоровой семьи, в том числе и замещающей, необходимо правильно выстроить систему поддержки семей на разных этапах ее формирования. Социальную поддержку кандидатам в опекуны можно трактовать как комплексную систему своевременной профессиональной помощи [Ослон 2015]. Социальная поддержка замещающей семьи представляет собой процесс взаимодействия специалистов различных служб с родителями, направленный на развитие их родительских компетенций, который осуществляется за счет таких социально-психологических и педагогических приемов, как просвещение, обучение, воспитание, подготовка, а также поддержки в трудных жизненных ситуациях.

Подготовка граждан, желающих принять ребенка под опеку, является одним из видов помощи от государства кандидатов в приемные родители. Компетенции, необходимые для реализации роли родителя в жизни приемного ребенка, а также знания в юридической области, психологии, педагогики, медицины можно получить при прохождении школы приемных родителей. Кандидаты в приемные родители должны быть готовы к сложным ситуациям, связанным с адаптацией ребенка в новой семье, а также к возможным трудностям в его воспитании и развитии [Меркуль, Машкова 2023].

Несмотря на существующие меры поддержки замещающих семей, опекунов и усыновителей со стороны государства, проблема эффективного сопровождения граждан, желающих принять детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в новых условиях продолжает оставаться актуальной. Особую роль играет готовность принять

нового члена семьи с имеющимся у него жизненным опытом и его травмами, готовность создать благоприятные условия для адаптации и развития ребенка.

Объекты и методы

Для выявления проблем организации социальной поддержки замещающих семей и граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание», было проведено прикладное исследование на базе ГБУ ЦССВ «Наш дом» г. Москвы. Методически смешанная исследовательская стратегия предполагала проведение экспертного стандартизированного интервью, в котором приняли участие 2 специалиста по социальной работе, 4 психолога-педагога, 1 детский психолог, специалисты ГБУ Центр «Содействие» (2 педагога-психолога, 2 специалиста по социальной работе), 2 специалиста территориального отдела по вопросам опеки и попечительства № 3, Специалисты ГБУ Семейный центр «Зеленоград» (2 специалиста по социальной работе, 2 педагога-психолога), а также анкетный опрос граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание в семью (n=75), из них 29 супружеских пар, состоящие в гражданском браке и 2 пары в фактическом браке без регистрации.

Цель исследования состояла в выявлении основных проблем граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание, в части их подготовки к выполнению обязанностей приемных родителей, и выявлении потребностей в дополнительных знаниях и компетенциях, для последующего совершенствования программ подготовки и поддержки приемных родителей.

Научные результаты и дискуссия

Кандидаты в приемные родители проявили высокую заинтересованность в исследовании (93% респондентов ответили, что им интересна тема исследования). Из 75 участников исследования 50% (37 человек) не имеют детей, 23 респондента (30%) имеют двух детей, 13% (11 человек) имеют троих детей, и четыре респондента 7% имеет 4 детей. (рис. 3), также 15 респондентов пояснили, что имеют на воспитании в своей семье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которых имеют ввиду в ответе о количестве детей в их семье.

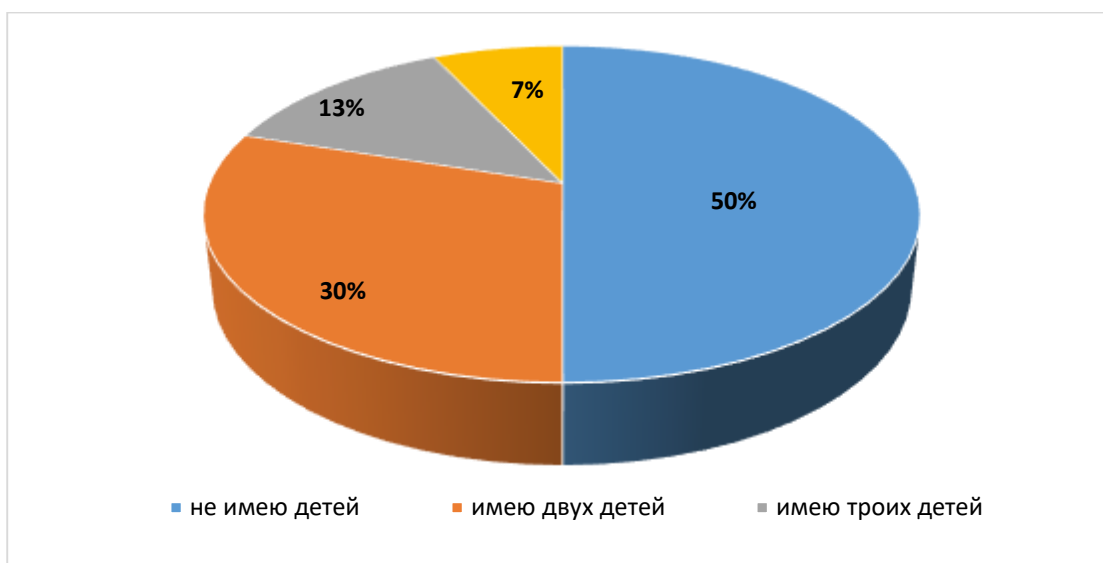

Рисунок 1. Количество детей в семье респондентов.
Figure 1: Number of children in the family of the person interviewed.

Возраст детей, которые воспитываются в семьях респондентов от 6 месяцев до 17 лет. Половина респондентов, имеющих детей на воспитании отметили, что занимаются

воспитанием детей самостоятельно, без привлечения внешней помощи или привлекая помощь редко. Другая половина опрошенных указали, что в их ближайшем окружении есть люди из числа родственников, друзей, а также няни, которые оказывают регулярную поддержку в уходе и воспитании детей.

71% опрошенных (53 человека) прошли обучение в школе приемных родителей, в настоящее время проходят обучение в ШПР 29% (22 респондента) (рис. 2).

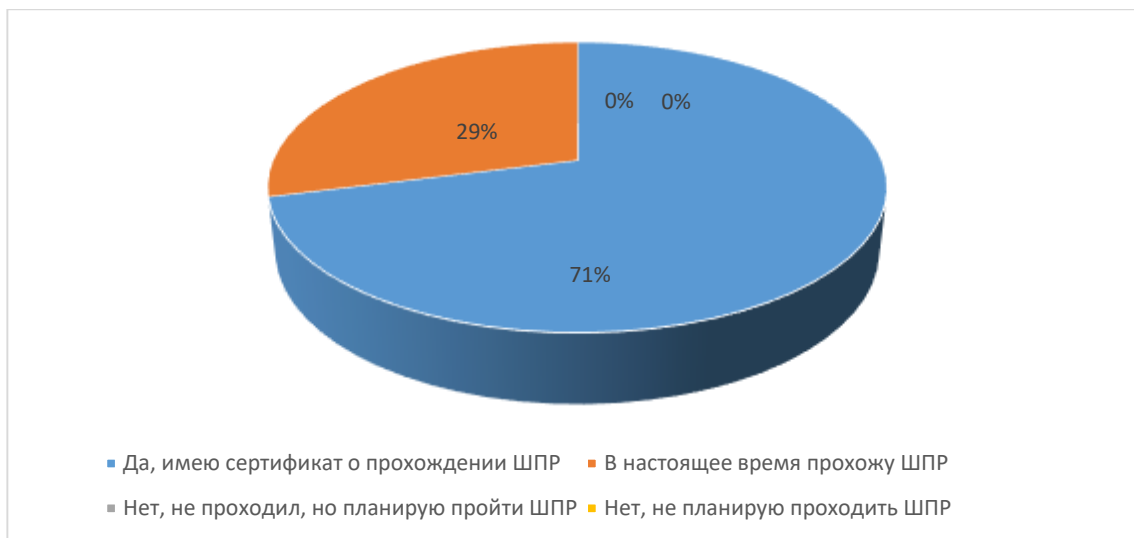

Рисунок 2. Прохождение респондентами Школы приемных родителей.
Figure 2: Respondents' completion of fostering school.

Наиболее востребованными и интересными направлениями курса подготовки приемных родителей респонденты назвали занятия педагогической (71% опрошенных) и психологической направленности 83% (62 респондента). В меньшей степени кандидатов привлекли темы, связанные с нормативно-правовой направленностью 29% (22 респондента) и практические тренинги – 33% (25 респондентов).

Освоение программы Школы приемных родителей не сделало кандидатов более уверенными в своих силах и знаниях для успешного выполнения роли приемного родителя: полностью уверенным и довольно уверенными назвал себя только каждый пятый респондент, 64% немного сомневаются в своих силах, совсем не уверены – 17%.

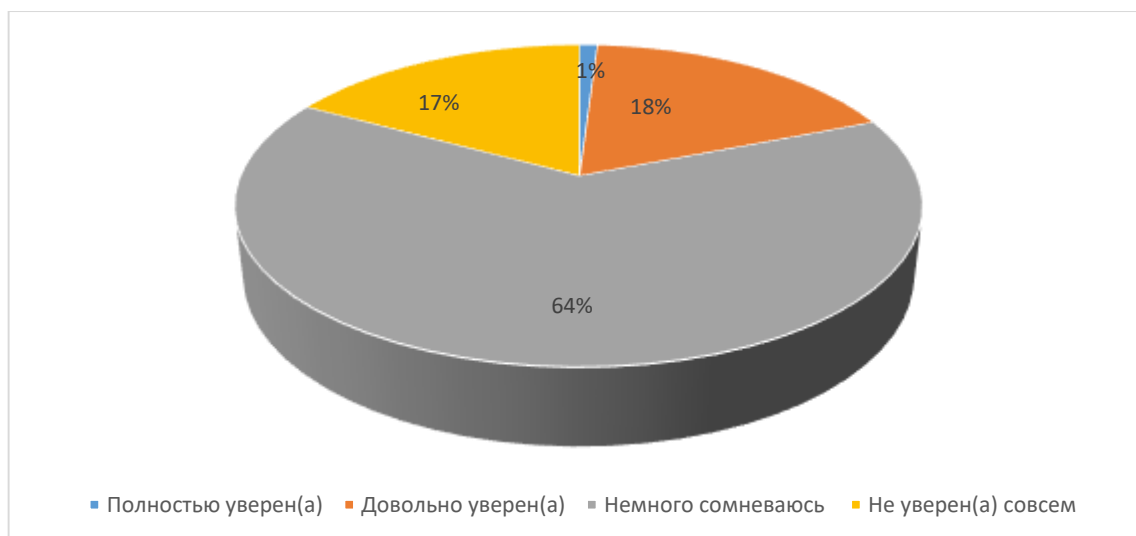

Рисунок 3. Уверенность респондентов в своих силах и знаниях для успешного выполнения роли приемного родителя после (во время) прохождения Школы приемных родителей.

Figure 3: Respondents' confidence in their skills and knowledge to successfully fulfil the fostering role after (during) fostering school.

Сложнее всего усваиваются и требуют дополнительных занятий с точки зрения респондентов педагогические (70%) и психологические знания (65%), и связано это с тем, что не у всех кандидатов есть собственные дети и первый опыт применения на практике оказывается отдален от времени занятий в школе приемного родителя. В ходе личных интервью они добавили, что, хотя они наблюдают за чужими детьми и анализируют их поведение, сопоставляя с полученными знаниями, без непосредственного применения эти знания быстро утрачиваются. Среди тем, которые вызывают наибольший интерес и требуют более глубокого погружения по итогам по завершении обучения родители назвали повышение общих родительских компетенций и подготовка к приему ребенка в семью – 70%, приемы и методы воспитания детей при трудном поведении – 35%, психологические особенности детей-сирот – 15%, медицинские особенности детей-сирот (группы здоровья, необходимые специалисты) – 7%. При этом необходимо отметить, что 45% кандидатов в приемные родители имели опыт личного продолжительного взаимодействия с детьми-сиротами, 30% респондентов получили опыт взаимодействия с детьми-сиротами в рамках своей деятельности, и лишь 25% из участников исследования не имели никакого опыта взаимодействия с детьми-сиротами.

Среди наиболее актуальных проблем, с которыми сталкиваются будущие приемные родители, желая принять ребенка на воспитание в семью, респонденты отметили отсутствие ощущения социальной поддержки и возможности обратиться за помощью у будущих приемных родителей, изменчивость системы жизнеустройства сирот, неуверенность в своих компетенциях (педагогических, психологических и др.), продолжительность процесса подготовки в замещающие приемные родители и сбора всех необходимых документов. В период обучения в Школе приемных родителей кандидатам дается большой объем информации, но до момента передачи ребенка в семью проходит значительный период времени, и большая часть информации забывается.

На вопрос «Какие меры, на Ваш взгляд, необходимы для организации социальной поддержки замещающих семей и граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание» (можно несколько вариантов выбрать)?» респонденты ответили, что на момент передачи ребенка будет востребована и социально-психологическая поддержка (консультации по формированию первичной привязанности у ребенка, семейные и индивидуальные занятия с психологом для подготовки семейной системы к приему ребенка и другое) 93%, и социально-педагогическая поддержка (тренинги родительских компетенций по воспитанию приемного ребенка 80%), социально-правовая поддержка 83%. Необходимость создания эффективной системы непрерывной поддержки граждан, желающих принять ребенка (детей) на воспитание в семью (до приема ребенка в семью, с дальнейшей передачей семьи на сопровождение) отметили 93% респондентов.

Высказавшиеся против системы непрерывной поддержки респонденты отметили, что социальная поддержка, граждан, желающих принять ребенка (детей) в семью на воспитание, не сможет помочь решить проблему, в связи с тем, что мало детей, которые подходят под изначальные пожелания кандидатов (от 0 до 3 лет, 1-2 группы здоровья, форма устройства – усыновление) (3 респондента). Также один респондент высказал опасение за «тайну усыновления», так как семья будет в плотном контакте с государственными организациями.

Мнения опрошенных экспертов относительно того, какие изменения по в программе Школы приемных родителей могли бы повысить эффективность курса сгруппировались вокруг следующих вариантов ответа:

- дополнительное раскрытие тем, которыми интересуются слушатели (педагогические, психологические);

- создание эффективной и непрерывной системы социальной поддержки гражданам, желающим принять ребенка (детей) на воспитание в семью, охватывающую сам момент передачи ребенка и период первичной адаптации в семье с дальнейшей передачей замещающих семей на сопровождение;

- создание образовательно-информационной платформы для слушателей Школы приемных родителей и всех заинтересованных лиц в вопросах сиротства для возможности использования знаний в нужный момент.

Эксперты отметили, что в замещающие родители часто идут граждане, не имеющие детей, но желающие реализоваться в родительстве, поэтому им сложнее применять полученные знания на практике, чаще это сравнительный анализ поведения детей близкого окружения (племянники, крестники, и др.). Среди трудностей, которые испытывают слушатели в усвоении материала ШПР, эксперты высказали согласованное мнение, что большой и сжатый объем информации не усваивается без закрепления на практике или в жизни. «Слушатели запоминают, только то, что считают важным для себя». Именно поэтому эксперты отмечают важность организации непрерывной социально-психологической и социально-педагогической поддержки, которая будет охватывать период перехода семьи из служб, которые занимаются подготовкой приемных родителей и жизнеустройством детей сирот, в социальные службы, которые обеспечивают сопровождение приемных семей.

Исследования отечественных авторов, подтверждают мнение опрошенных экспертов, о том, что социально-психологическое сопровождение повышает устойчивость замещающих семей в сфере налаживания взаимопонимания и укрепление доверительных отношений между всеми членами семьи, способствует развитию самостоятельности семьи и повышению ее адаптационного потенциала [Попова, Шкурова 2024].

Заключение

Стандартизированное интервью специалистов в области жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и анкетный опрос приемных родителей показали, что и эксперты, и кандидаты в целом одинаково идентифицируют проблемы и риски, с которыми сталкиваются будущие приемные родители. Специалисты убеждены, что правильно организованная система социальной поддержки способна существенно облегчить этот путь, помогая решать возникающие проблемы посредством дополнительных образовательных программ, тренингов, занятий, а также создания комплексной и непрерывной социально-психологической и педагогической поддержки для граждан, желающих принять ребенка (детей) на воспитание в свою семью.

Результаты проведенного исследования показали, что потенциальные опекуны сталкиваются с множеством трудностей, особенно в социально-психологической и педагогической сферах. Это подчеркивает необходимость не только привлечения специалистов разного профиля для оказания комплексной социальной поддержки, но и вовлечения сообщества приемных родителей в разработку тематики информационно-образовательных материалов для соискателей с учетом актуальных проблем приемных семей.

Успешность процессов подбора семьи, приема и адаптации ребенка на воспитание зависит не только от применяемых технологий и форм поддержки, но и от личной готовности, грамотного распределения имеющихся ресурсов, адаптивности семейной системы. Разработка и внедрение мер социально-психологической и педагогической поддержки на этапах подготовки замещающей семьи, приема ребенка и первичной адаптации будет способствовать укреплению взаимоотношений между потенциальными опекунами, улучшению семейной атмосферы, а также повышению психолого-педагогической компетентности родителей, готовящихся к принятию ребенка в семью. Это, в свою очередь, будет способствовать снижению уровня стресса у детей, уменьшению

количества конфликтов в приемных семьях, и как результат служить профилактикой снятия опеки и возврата детей в учреждения.

Список источников

Министерство просвещения Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 04.02.2025)

Региональный банк данных детей-сирот. Официальный сайт. URL: <https://usynovimoskva.ru/bank/?ysclid=m6s1nnb715461263444> (дата обращения: 04.02.2025)

Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.02.2025)

Список литературы

Меркуль, И.А., Машкова, Д.В. Подготовка кандидатов в замещающие родители: какие компетенции нужны сегодня для воспитания приемного ребенка? // Социальные науки и детство. – 2023. – Том 4. № 1. – С. 59-78.

Ослон, В.Н. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи / В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2015. – № 4. – С. 39– 53.

Попова, А., Шкурова, Н. Воздействия практики социально-психологического сопровождения на устойчивость замещающих семей. *The Journal of Social Policy Studies*. – 2024. – № 22(4). – С. 607-626. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-607-626>

References

Merkul I.A. and Mashkova D.V. (2023), Preparation of candidates for foster parents: what specialties are needed today for raising an adopted child?, *Social Sciences and Childhood*, Vol. 4, No. 1, pp. 59-78. (in Russian).

Oslon, V.N. and Kholmogorova, A.B. (2015), Psychological support of a foster professional family, *Questions of Psychology*, No. 4, pp. 39-53. (in Russian).

Popova, A. and Shkurova, N. (2024), Impact of the practice of social and psychological support on the stability of foster families, *The Journal of Social Policy Studies*, No. 22 (4), pp. 607-626. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-607-626>. (in Russian).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Информация об авторах

Рудычева Кристина Николаевна, специалист по социальной работе, ГБУ Центр содействия семейному воспитанию «Наш дом», Москва, Россия.

Information about the authors

Kristina N. Rudycheva, specialist in social work, GBU Family Education Assistance Center “Our House”, Moscow, Russia.

УДК 316.4.063.36
DOI 18413/2949-267X-2025-4-1-0-4

Социокультурные стратегии профилактики социального сиротства (по материалам исследования)

¹ Мозговая Е.И. , ¹ Татаринцева С.В.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 30800 г. Белгород, ул. Преображенская, 78

E-mail: mozgovaya@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвящённого диагностике причин развития социального сиротства как аномального явления и результата кризиса и утраты традиционных ценностей. В ходе исследования установлено, что респонденты связывают распространение социального сиротства с такими явлениями как «дисфункция института семьи», «утрата традиционных современных ценностей», «снижение уровня жизни», «девиантное поведение членов семьи». Социокультурные стратегии профилактики социального сиротства включают в себя системную работу по профилактике социального сиротства, внедрение инновационных организационных, психолого-педагогических, социально-культурных технологий, всестороннюю социально-экономическую и социально-культурную поддержку материнства и детства.

Ключевые слова: профилактика, социальное сиротство, дети, оставшиеся без попечения родителей, семейные ценности, дисфункция, жестокое обращение с ребёнком.

Для цитирования: Мозговая, Е.И. Социокультурные стратегии профилактики социального сиротства (по материалам исследования) / Е.И. Мозговая, С.В. Татаринцева // Научные результаты в социальной работе. – 2025. – Т. 4, № 1. – С. 30–37. DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-4

Sociocultural Strategies for The Prevention of Social Orphanhood (Based on Research Materials)

¹ Elena I. Mozgovaya , ¹ Svetlana V. Tatarintseva,

¹ Belgorod National Research University,
78 Preobrazhenskaya St, Belgorod 308000, Russia

E-mail: mozgovaya@bsuedu.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study devoted to the diagnosis of the causes of social orphanhood as an abnormal phenomenon and the result of the crisis and loss of traditional values. The study found that respondents associate the spread of social orphanhood with such phenomena as "dysfunction of the family institution", "loss of traditional modern values", "decline in living standards", "deviant behavior of family members". Socio-cultural strategies for the prevention of social orphanhood include systematic work on the prevention of social orphanhood, the introduction of innovative organizational, psychological, pedagogical, socio-cultural technologies, comprehensive socio-economic and socio-cultural support for motherhood and childhood.

Keywords: prevention, social orphanhood, children left without parental care, family values, dysfunction, child abuse.

For citation: Mozgovaya, E.I. and Tatarintseva, S.V. (2025), Sociocultural Strategies for The Prevention of Social Orphanhood (Based on Research Materials), *Research results in social work*, Vol. 3, No. 4, pp. 30–37. (in Russian). DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-4

Введение

Социальное сиротство как явление возникает на фоне кризиса семейных и общечеловеческих ценностей и в будущем создает предпосылки для девиантной социализации – асоциального поведения личности [Крамчанинова 2020].

Социальные сироты, осознавая невозможность своего влияния на ситуацию, подвержены депрессивному состоянию. Заниженная самооценка, социальная и эмоциональная дезадаптация, сужение круга социальных контактов существенно осложняет успешное развитие личности ребенка-сироты [Мартынова 2013].

Среди причин социального сиротства доминируют отсутствие благоприятных условий жизни, лишение родительских прав вследствие тяжелых заболеваний или зависимостей, т.е. искажение родительского поведения. Особая группа – «отказные дети», оставленные родителями по причине тяжелого материального положения или болезни ребенка, обусловленной нарушениями внутриутробного развития [Тесленко 2022].

Отметим, что лишение родительских прав является крайней мерой, которая выносится судебным решением, когда социально-профилактические меры или ограничение родительских прав не привели к изменению ситуации в семье. Каждый конкретный случай изъятия из семьи или отказа от ребенка имеет свои собственные причины, наиболее типичные из них связаны с социально экономическими и психологическими факторами, а также с различными зависимостями и заболеваниями [Ходырева 2015].

В социально опасных семьях отсутствует тесная детско-родительская связь, дети подвергаются физическому и психологическому насилию, жестокому обращению. У детей из таких семей не сформированы социально-бытовые навыки, нарушена социализация, имеются психологические проблемы и поведенческие нарушения. Таким образом, социально опасные семьи являются фактором возникновения феномена социального сиротства [Швецова 2022].

Увеличение числа социальных сирот ведет к повышению уровня социальной напряженности и снижению качества жизни населения и его благополучия. Дети-сироты лишены заботы родителей и возможности усвоить модели позитивного поведения в социуме. Решение проблемы социального сиротства возможно при комплексном анализе проблемы и формировании направлений государственной политики с учетом региональных особенностей [Балина, Замараева, Игнатъева 2024].

Эффективность профилактики социального сиротства во многом зависит от межведомственной координации действий всех служб, так или иначе причастных к социальной политике в области защиты семьи, необходимо формирование единой системы мер, направленных на профилактику семейных проблем [Янгирова 2020].

Объекты и методы

Для диагностики причин развития и поиска новых форм и средств профилактики социального сиротства в феврале 2025 года было проведено социологическое исследование, респондентами которого стали сотрудники ГБУ «Центр подготовки и постинтернатного сопровождения выпускников «Расправь крылья» (n=30), а также преподаватели Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» г.Белгород (n=20). Метод исследования: полуструктурированное интервью (интернет-опрос).

Научные результаты и дискуссия

Кризис и дальнейшая утрата традиционных семейных ценностей приводит к относительно новому явлению в общественной жизни – социальному сиротству. Снижение числа детей-сирот – приоритетная задача государства. По заявлению Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, «...мы видим позитивную динамику по отношению к 2023 году по ключевым показателям. Уровень снижения в ряде случаев выше, чем в предыдущие годы. Общая численность

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей сократилась на 5 % – до 340 055 человек» [М.Львова-Белова]. Снижение доли детей сирот происходит благодаря комплексу эффективных мер в области развития социальной политики государства и укрепления института приемной семьи, а также смены социокультурных стереотипов относительно детей-сирот в поле информационно поле [Наберушкина, Бессчетнова, Волкова 2017].

Отметим, что вопросы профилактики социального сиротства чрезвычайно актуальны и сложны в решении. Для более эффективной работы по профилактике социального сиротства и помощи семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, важно понимание истинных причин, по которым дети оказываются без попечения родителей.

Экспертами отмечается, что в настоящее время зафиксировано некоторое снижение численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в интернатных учреждениях. Это связано, вне всякого сомнения, с эффективной государственной политикой по социальной поддержке детей-сирот и устройстве их в семью. Однако респонденты полагают, что указанные меры действенны в отношении уже состоявшегося факта – отсутствия у ребенка родительского попечения, а «работа на опережение», превентивные меры, направленные на недопущение или снижение рисков развития семейного неблагополучия, предпринимаются социальными службами явно недостаточно, тем более, что о стагнации социального сиротства как следствия неблагополучия в семье, пока речи не идет.

Согласно данным опроса, на распространение социального сиротства оказывают влияние многие факторы: институциональные (дисфункция института семьи, материнская и отцовская депривация) – 48 %; социально-экономические (экономические и психологические последствия снижения уровня жизни, малообеспеченность, безработицы, тунеядство и иждивенчество) – 42 %; социально-психологические (высокая конфликтность в семье, сверхзанятость родителей, и, как следствие, дефицит родительского внимания к ребёнку, безответственность родителей, агрессия в отношении близких) – 36 %; социокультурные (утрата традиционных семейных (коллективистских) ценностей, разрушенные социальные связи, доминирование личностных ценностей) – 24 % (см. рис.1).

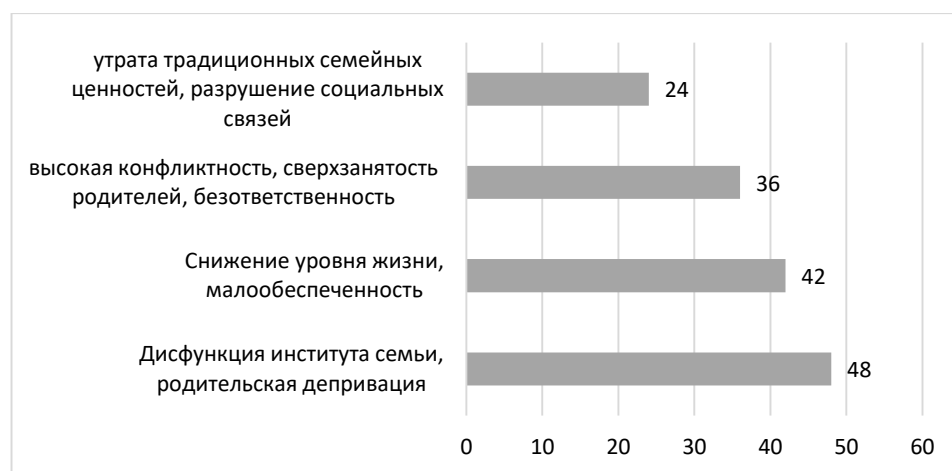

Рис. 1. «Факторы, оказывающие влияние на распространение социального сиротства»
Fig. 1. "Factors influencing the spread of social orphanhood"

Каковы же основные юридические основания, по которым дети остаются без попечения родителей и попадают в интернатные учреждения? По мнению респондентов, это, в первую очередь, «лишение /ограничение родительских прав» (56 %), далее представлены такие основания как «отказ от ребенка при рождении» (34 %), «уклонение родителей от воспитания ребенка» (30%), «лишение родителей свободы и помещение в исправительные учреждения» (26 %), «признание родителей недееспособными» (12 %), «признание родителей безвестно отсутствующими» (6 %). Выявлением детей, оставшихся

без попечения родителей, их учетом и устройством в организации для детей-сирот занимаются органы опеки и попечительства (см. рис.2).

Рис. 2. «Основания помещения ребенка в организации для детей-сирот»
Fig. 2. "Grounds for placing a child in an organization for orphaned children"

Таким образом, дети, оставшиеся без попечения родителей, помещаются в организации для детей-сирот, если невозможно сразу устроить ребенка в семью, в том числе установить предварительную опеку или попечительство над ним. Пребывание в таких организациях предполагается временным, до решения вопроса об усыновлении детей, установления над ними опеки, попечительства, устройства в приемную либо патронатную семью.

Согласно результатам исследования, среди подопечных интернатного учреждения выделяются группы «малолетние дети в возрасте до 3 лет», так называемые «отказники», «малолетние дети, оставленные в общественных местах без документов, подтверждающих личность», «дети, изъятые из кровной семьи по причине прямой угрозы жизни и здоровью», «дети, переданные под опеку, и впоследствии вернувшиеся в детский дом из-за отмены опеки по судебному решению» («вторичное сиротство»), а также «дети, чьи родители по целому ряду причин лишены родительских прав, при отсутствии других родственников, способных стать опекунами или попечителями».

Эксперты (86 %) считают, что особую тревогу вызывает такое социальное явление как «скрытое социальное сиротство», когда ребёнок воспитывается во внешне благополучной семье, но на самом деле в ней происходят те же процессы, что и в семье с неблагополучием: девальвация семейных ценностей, эмоциональная отчуждённость между родителями и детьми, отсутствие родительского контроля, авторитарность и низкая педагогическая культура родителей, деструктивные семейные конфликты.

В контексте социального сиротства семьи группы риска в силу определенных обстоятельств в жизни подвержены к негативным внешним воздействиям в силу социально-экономических, медико-социальных, социально-демографических и иных причин.

На рис. 3 представлены данные, какие семьи эксперты относят к группе риска: «семьи с нарушением функций и семейных ролей» (84 %), «семьи мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев» (70 %), «семьи, подверженные аддиктивному, зависимому поведению» (62 %), семьи, где «родители или один родитель имеет психическое заболевание» (52 %), «малообеспеченные семьи» (36 %), «неполные семьи» (24%).

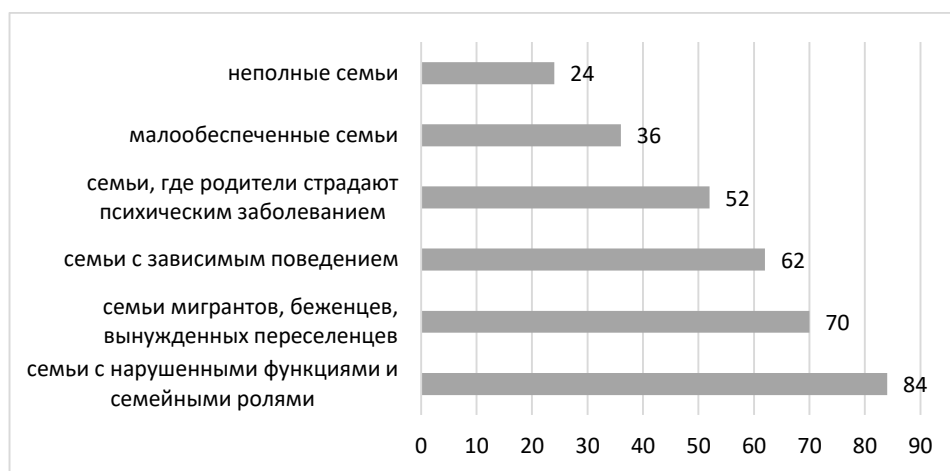

Рис. 3. «Семьи, относящиеся к группе риска»

Fig. 3. "Families at risk"

С точки зрения респондентов, причины возникновения социального сиротства гораздо шире и истоки этого отрицательного социального явления следует искать в самой дисфункциональной семье, в особенностях семейной биографии и взаимоотношений, в традициях воспитания, точнее, в нарушении семейных традиций и утрате традиционных семейных ценностей. Негативные последствия в будущем очевидны: ребёнок, воспитываясь в дисфункциональной, деструктивной семье, воспринимает подобный стиль семейных взаимоотношений как естественный, и, взрослея, переносит данные «ценности» уже на свою семью, воспроизводя модель поведения собственных родителей уже в отношении своих детей.

Негативными последствиями сиротства могут стать депрессия, тревожность, потеря самооценки, социальная изоляция, посттравматический стрессовый синдром и другие психологические проблемы, с которыми может столкнуться ребенок-сирота.

Травмы, связанные с потерей родителей в детском возрасте, оставляют глубокий след на психическом и эмоциональном состоянии ребенка на протяжении всей жизни. В этой связи важно обеспечить сиротам доступ к психологической поддержке, терапии и другим необходимым ресурсам, чтобы справиться с потерей и последствиями сиротства.

Также сиротство может оказать негативное влияние на образование и профессиональную подготовку детей-сирот. Они могут столкнуться с трудностями в учебе, иметь низкую мотивацию и самооценку, а также испытывать затруднения при выборе профессионального пути.

Дети-сироты могут ощущать себя отрешенными от окружающего мира и испытывать чувство одиночества. Они могут чувствовать, что им не с кем поделиться своими мыслями и эмоциями, что может привести к социальной изоляции.

Ещё одна проблема, по мнению экспертов, является важной при анализе причин и последствий социального сиротства ввиду социальной значимости её решения и трудности своевременной диагностики. Это проблема насилия в семье, жестокого обращения с ребёнком. Объясняя причины жестокого обращения в семье, участники исследования называют «кризис семейных ценностей» (92 %), «нарушение нормального функционирования семьи» (88 %), «снижение воспитательных функций семьи» (76 %), «нарушение психосоциального статуса семьи» (70 %), «барьеры в личностном и духовном развитии членов семьи» (64 %), «алкоголизация родителей», «различные девиации» (64 %), «агрессивность как способ преодоления конфликта» (58 %), «собственный негативный семейный опыт», т.е. «личная семейная история» (52 %), «психологические травмы» (46 %), «пренебрежение основными нуждами членов семьи» (40 %), «отсутствие навыков воспитания и общения с ребёнком» (32 %). Как следует из приведённых данных на рис.4, для устранения негативных явлений в семье, специалисту необходимо максимально точно

диагностировать причину или комплекс причин, приведших к дисфункциональному нарушению в семье.

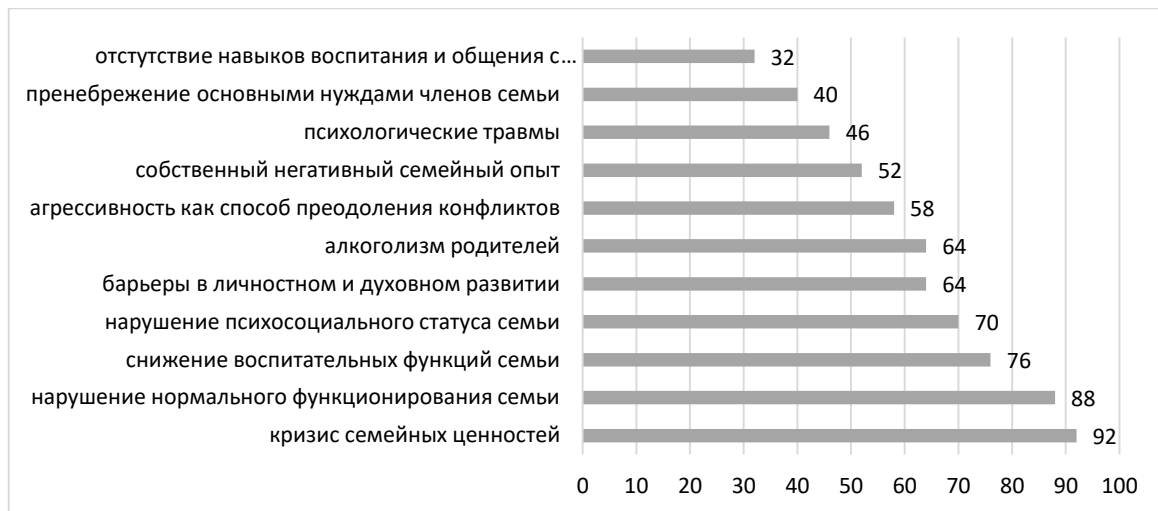

Рис. 4. «Причины жестокого обращения в семье»

Fig. 4. "Causes of abuse in the family"

Ответы участников исследования на вопрос «Какие меры необходимы для повышения эффективности профилактики социального сиротства в регионе», дали нам возможность распределить предложения экспертов по совершенствованию системы профилактики на три группы.

Итак, первая группа, где основными показателями, определяющими эффективность профилактики социального сиротства, по мнению экспертов, являются «системная работа по профилактике социального сиротства» (72 %), «развитие материально-технической базы социальных учреждений» (64 %), «межведомственное взаимодействие» (52 %) и «единый координирующий центр» по профилактике социального сиротства (44 %).

Вторая, или технологическая группа показателей, включает в себя «внедрение в систему профилактики социального сиротства инновационных организационных и психолого-педагогических технологий» (58 %), «проведение мероприятий по повышению педагогической культуры родителей» (50 %), «совершенствование работы с семьёй группы риска, т.е. тогда, когда семейное неблагополучие еще не установлено, а лишь существует риск его дальнейшего развития» (46 %), «развитие системы профессиональной подготовки» (42 %) и «профессионального отбора» сотрудников (38 %), в чьи должностные обязанности будет входить проведение превентивной работы по недопущению семейного неблагополучия, и, как следствие, социального сиротства.

Третья группа показателей носит дискурсивный характер, так как превентивные меры должны быть сфокусированы на «комплексном решении проблем сиротства» (84 %), а именно на «всесторонней социально-экономической и социально-культурной поддержке материнства и детства» (68 %), «целенаправленной работе с кровной семьёй ребёнка, т.е. на раннем выявлении семейного неблагополучия» (60 %), «деятельности, направленной на восстановление адаптационного потенциала семьи» (52 %).

Заключение

Итак, подводя итоги исследования мы пришли к выводу, что профилактика социального сиротства представляет собой комплексные социокультурные меры противодействия данному негативному социальному явлению, представляющему, по своей сути, результат социокультурного раскола в обществе, вызванного, в первую очередь, разрушением системы ценностей у определенной части населения, находящейся в «моральном вакууме». Иными словами, социальное сиротство – это аномальное явление,

показатель разобщённости общества, результат кризиса традиционных ценностей, института семьи, тех социокультурных потрясений, которые сопровождают современное общество уже длительное время.

Таким образом, социальное сиротство является сложным многоаспектным явлением, в силу чего профилактическим мерам должно уделяться значительное внимание. При определении стратегии решения задач по организации превентивных мер важно учитывать причины возникновения, механизмы развития социального сиротства, факторы способствующие или препятствующие эффективной профилактике социального сиротства как одной из самых злободневных проблем современности.

Список источников

В России за 2024 год снизилось число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Режим доступа: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1535>.

Список литературы

Балина, Т.А. Пространственный анализ социального сиротства как индикатора благополучия населения / Т.А. Балина, З.П. Замараева, А.А. Игнатьева // Вестник Удмуртского университета. – 2024. – Т.34. – Вып.3. – С. 315-325.

Крамчанинова, Н.В. Социальное сиротство в ракурсе социологического изучения // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2020. – Том. 12. – № 4-5. – С. 103-109. DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-4-5-103-109.

Мартынова, Е.В. Основные теоретические подходы к изучению проблемы сиротства // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №3. – С. 201-206.

Наберушкина, Э.К. В поисках ресурсов и новых парадигм: проблема социального сиротства / Э.К. Наберушкина, О.В.Бесчетнова, О.А.Волкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 4 (48). – С. 73–80.

Тесленко, А.Н. Социальное сиротство: девиантологический анализ личностных мотивов отказа от ребенка // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2(4). – С. 386-396.

Ходырева, Е.Б. Социальное сиротство: анализ причин и пути решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2015. – № 3 (39). – С. 132-137.

Швецова, А.А. Профилактика социального сиротства: социально опасная семья, как фактор возникновения феномена социального сиротства // Вестник магистратуры. – 2022. – № 4-4 (127). – С. 118-119.

Янгирова, Л.М. Направления совершенствования социальной политики в отношении семьи // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 11-4 (80). – С. 55-57.

References

Balina, T., Zamaraeva, Z. and Ignatieva, A. (2024), Spatial analysis of social orphanhood as an indicator of the well-being of the population. *Bulletin of the Udmurt University*, Vol. 34, Issue 3, pp. 315–325. (in Russian).

Kramchaniнова, N. (2020), Social orphanhood from the perspective of sociological research, *Historical and socio-educational thought*, Vol. 12, No. 4–5, pp. 103-109. (in Russian).

Martynova, E. (2013), Basic theoretical approaches to the study of the problem of orphanhood, *Humanities and social Sciences*, No. 3, pp. 201–206. (in Russian).

Naberushkina, E., Beschetnova, O. and Volkova, O. (2017), In search of resources and new paradigms: the problem of social orphanhood, *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences*, No. 4 (48), pp. 73–80. (in Russian).

Teslenko, A. (2022), Social orphanhood: a deviantological analysis of personal motives for abandoning a child, *Russian Deviantological Journal*, No. 2(4), pp.386–396. (in Russian).

Khodyreva, E. (2015) Social orphanhood: an analysis of causes and solutions, *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences*, Vol. 3 (39), pp. 132–137. (in Russian).

Shvetsova, A. (2022), Prevention of social orphanhood: a socially dangerous family as a factor in the emergence of the phenomenon of social orphanhood, *Bulletin of the Magistracy*, Vol. 4-4 (127), pp.118–119. (in Russian).

Yangirova, L. (2020), Directions for improving social policy in relation to the family, *The Eurasian Union of Scientists*, Vol. 11-4 (80), pp.55–57. (in Russian).

Конфликт интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Информация об авторах

Мозговая Елена Ивановна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-2122-3847](https://orcid.org/0000-0003-2122-3847)

Татаринцева Светлана Валериевна, магистрант кафедры социальной работы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Information about the author

Elena I. Mozgovaya, Associate Professor of the Department of Social Work, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation.

 [ORCID: 0000-0003-2122-3847](https://orcid.org/0000-0003-2122-3847)

Svetlana V. Tatarintseva, master's student in the field of Social work, Belgorodsky State National Research University, Belgorod, Russian Federation.

УДК 316.4

DOI 18413/2949-267X-2025-4-1-0-5

Особенности внедрения образовательного подхода «Обучение служением» в учебный процесс в многопрофильном университете: организационно-управленческая модель

¹ Королева К.Ю.

¹ Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
Россия, 119071, г. Москва, ул. Малая Калужская д. 1,
E-mail: korolya-kyu@rguk.ru

Аннотация. В статье представлена концепция внедрения подхода обучения служением в многопрофильном вузе. Разнообразие реализуемых в университете направлений подготовки, неочевидная связь между образовательными программами и проблемами социально уязвимых групп населения требуют адресной работы с социально-ориентированными НКО по формированию заказов на выполнение работ в рамках образовательной деятельности. В статье изложена разработанная с учетом специфики ВУЗА организационно-управленческая модель, которая предполагает системное внедрение элементов подхода в различные виды учебной деятельности, позволяет отрегулировать трудозатраты профессорско-преподавательского состава и проводить постепенное погружение обучающихся в решение профессиональных задач с отработкой профессиональных компетенций на кейсах от социально-ориентированных некоммерческих организаций и предприятий партнеров.

Изложенная модель прошла апробацию на учебно-методическом совете РГУ им. А.Н. Косыгина и принята к внедрению.

Ключевые слова: обучение служением, социально-ориентированные некоммерческие организации, учебная деятельность, социально-уязвимые категории населения.

Для цитирования: Королева, К.Ю. Особенности внедрения образовательного подхода «Обучение служением» в учебный процесс в многопрофильном университете: организационно-управленческая модель / К.Ю. Королева // Научные результаты в социальной работе. – 2025. – Т. 4, №1. – С. 38–47. DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-5

Characteristics of The Implementation of Service Learning in The Educational Process in An Interdisciplinary University: Organizational and Management Model

¹ Ksenia Y. Koroleva

¹ Russian State University named after A.N. Kosygin,
1 Malaya Kaluzhskaya St, Moscow 119071, Russia,
E-mail: korolya-kyu@rguk.ru

Abstract. The article presents the concept of implementing the service-learning approach in a multidisciplinary university. The diversity of educational fields implemented at the university, the non-obvious connection between educational programmes and the problems of socially vulnerable groups of the population require targeted work with socially oriented NGOs to form work orders within the framework of educational activities. The article outlines a model developed taking into account the specifics of higher education institutions, which includes the systematic introduction of elements of the approach in various types of educational activities, allows to adjust the labour costs of teaching staff and to conduct a gradual immersion of students in the solution of professional problems with the development of professional competencies on cases from socially oriented non-profit organisations and partner enterprises.

The described model was tested and accepted for implementation by the Educational and Methodological Council of Kosygin Russian State University.

Keywords: service learning, socially oriented non-profit organizations, training activities, socially vulnerable population groups.

For citation: Koroleva, K.Y. (2025), Characteristics of The Implementation of Service Learning in The Educational Process in An Interdisciplinary University: Organizational and Management Model, *Research results in social work*, Vol. 4, No. 1, pp. 38–47. (in Russian). DOI: 18413/2949-267X-2025-4-1-0-5

Введение

С 2023 года в системе профессионального образования в России начал внедряться педагогический подход «Обучение служением» – современный формат развития гражданской активности. Реализация этого подхода предусматривает формирование в ходе образовательной деятельности профессиональных навыков, непосредственно связанных с получаемой специальностью, через решение социально значимых практических задач и совместную проектную деятельность с социально ориентированными некоммерческими организациями, государственными учреждениями и бизнес-структурами. Решения о внедрении подхода носят системный государственный характер и становятся неотъемлемой частью освоения образовательных программ в системе высшего образования.¹ К концу 2024 года в реализации программы участвовали уже более 415 вузов, их опыт отражает и разнообразие реализуемых направлений подготовки, и наличие доступных ресурсов, и методические заделы, которые есть у педагогических коллективов.

С одной стороны, основные принципы, лежащие в основе данного подхода, хорошо знакомы российским преподавателям, поскольку созвучны идеям культурно-исторической теории деятельности Л.С. Выготского, системе трудового воспитания А.С. Макаренко, педагогическим приемам обучения через деятельность Дж. Дьюи и ценностям гуманистической традиции А.С. Сухомлинского [Выготский 1991; Макаренко 1985; Дьюи 2008; Сухомлинский 2023]. С другой, стороны, актуальность обучения служением и его востребованность в современных условиях обусловлена необходимостью налаживания социального диалога, укрепления связей между различными социальными группами и развития межсекторного партнерства для решения социальных проблем. Переформатирование образовательных программ путем интеграции в них элементов общественно-значимой практической деятельности является важным инструментом согласования общественных интересов и повышения качества жизни всего сообщества. Интеграции в учебном процессе трех составляющих – практической отработки задач осваиваемой профессии, формирования социальной ответственности и развития активной гражданской позиции – не только оказывает положительное влияние на результаты обучения, но и повышает адаптационный потенциал обучающихся, делая их более подготовленными к различным жизненным вызовам [Jameson et al 2011].

Служение обществу через созидательный квалифицированный труд, понимание возможностей личного участия в решении актуальных проблем, бережное окружающему миру и людям, участие в развитии своей страны – это те важные ценностные ориентиры, которые лежат в основе данного подхода к построению учебного процесса.

Научные результаты и дискуссия

¹ Реализация программы «Обучение служением» осуществляется в рамках исполнения пункта 8 перечня поручений Президента Российской Федерации от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС о включении в образовательные программы высшего образования курса (модуля) «Обучение служением» См. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. Пр-173ГС, п. 8 [Электронный ресурс]. URL: [http:// kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421](http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421) (дата обращения 01.02.2025).

Результаты многих отечественных и зарубежных исследований сферы образования показывают, что применение элементов обучения служением повышает эффективность обучения: успеваемость студентов вузов растет по сравнению с традиционным аудиторным обучением [Warren 2012; Markus et al. 1993; Mrofu 2007; Novak et al. 2007], поскольку обеспечивают более тесную связь теории с практикой [Lambright 2008] и поднимают мотивацию к освоению новых инструментов профессиональной деятельности [Darby 2013; Sze-Yeung Lai, Chi-Leung Hui 2020; Hébert, Hauf 2015]. Студенты, участвовавшие в практиках обучения служением, демонстрировали более глубокое понимание проблем общества и более активное личностное развитие [Markus et al. 1993]. В целом, эти исследования показывают, что обучение служением не только может повысить эффективность академического обучения и предоставить ценные возможности для получения практического образования, но и оказывает положительное влияние на гражданскую позицию и социальную ответственность учащихся, способствует развитию личностных надпрофессиональных навыков, таких как коммуникативные и организационные навыки, лидерские качества, навыки командной и проектной работы, моральное развитие и эмпатия [Никольский и др. 2024; Caspersz, Olaru 2017; Wilson 2011; Gutzweiler et al. 2022; Celio et al. 2011].

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) вошел в число пилотных вузов по внедрению подхода в 2023 году. При разработке организационно-управленческой модели внедрения подхода в условиях многопрофильного высшего учебного заведения основной целью виделась в максимальной адаптивности к выстроенной в вузе системе организации учебной и проектной работы, ее дополнении и развитии за счет внедрения элементов обучения служением. Необходимо органично встроить практики, связанные с выполнением социальных заказов, и в карьерные планы обучающихся, показать им, как получаемый опыт взаимодействия с заказчиками и благополучателями создает возможности для повышения личностной эффективности и саморазвития. Также в фокусе обучения служением стоят и задачи мировоззренческого характера – расширение мировоззрения и понимание культурных перспектив, повышение гражданской ответственности. Важно было позволить студентам применять осваиваемые учебные материалы в реальных ситуациях профессиональной деятельности.

Опыт реализации проекта в первый год пилотажа дал понимание возможных преимуществ и ограничений применения разных форматов организации учебной деятельности с применением подхода обучение служением для разных направлений подготовки – от гуманитарных, творческих до технических, позволил более четко сформулировать требования к отбору партнеров и социальных заказов для принятия в работу, обучить преподавателей по программе повышения квалификации, внести изменения в локальные акты по организации учебной работы, получить первые вдохновляющие результаты. Но стало очевидным, что для воплощения всех ключевых идей нужна организационно-управленческая модель, которая сделает проводимую работу системной, позволит обеспечить широкий охват обучающихся по всем реализуемым направлениям подготовки, и что не маловажно, не приведет к возрастанию нагрузки на профессорско-преподавательский состав вуза.

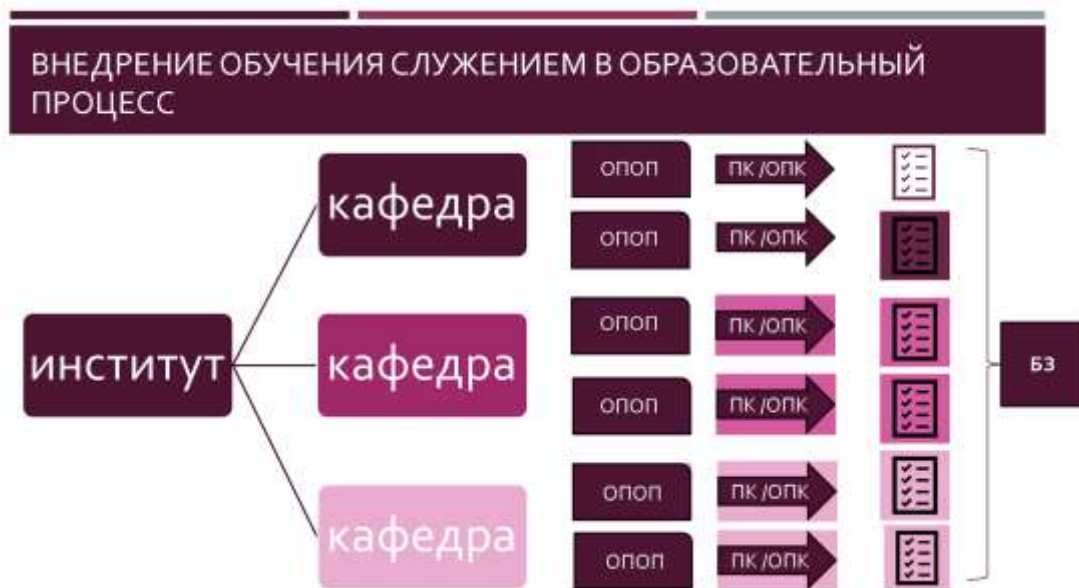

Рисунок 1. Отбор компетенций для формирования базы отбора заданий.
Figure 1: Competence selection as basis for task selection.

Первый этап новой системы организации работы включает анализ основных профессиональных образовательных программ высшего образования, реализуемых в университете, с целью отбора ОПК - общепрофессиональных компетенций и ПК – профессиональных компетенций, по которым можно сформировать основные знания, умения и навыки с применением технологий обучения служением. Выпускающим кафедрам на этапе подготовке учебно-методического обеспечения на предстоящий учебный год по каждой основной профессиональной образовательной программе было предложено самостоятельно выбрать несколько профессиональных компетенций, по которым они смогут выполнять практические задания с применением технологии обучения служением в рамках семинарских или практических занятий, либо курсовых проектов/работ, выпускных квалификационных работ и проектов. Внедрение обучения служением будет прописано как на уровне формулировок образовательных результатов по выбранным компетенциям, так и закреплено в фондах оценочных средств, связанных с выбранной компетенцией. Форматы заданий и виды получаемого образовательного или продуктового результата формулируются ведущими преподавателями с учетом реальных возможностей обучающихся осваивающих программу, имеющихся ресурсов и технической осуществимости (во внимание могут приниматься как ресурсы самой образовательной организации, так и потенциальных партнеров заказчиков¹).

При выборе компетенций и форматов реализации выпускающим кафедрам рекомендовано учитывать следующие критерии:

1. Приоритетно выбирать те профессиональные компетенции, которые содержательно совпадают и в федеральных образовательных стандартах, и в профессиональных стандартах².

2. Содержание профессиональных навыков должно быть принципиально отрабатываемо в формате обучения служением.

¹ Например, разработка технической документации по решаемой задаче может быть полностью выполнена вузом в рамках социального проекта, а изготовление опытного образца потребует участия заказчика в формате предоставления расходных материалов, допуска к необходимому оборудованию и пр.

² ориентируемся на Реестр профстандартов Минтруда РФ

3. Формулируем содержание и краткое описание возможного мероприятия/активности/продуктового результата.
4. Принимаем во внимание условия реализации и ограничения (территория/необходимое оборудование/допуски и пр.).
5. Период проведения мероприятия/активности/изготовления продукта/оказания услуги (семестр, продолжительность в ЗЕТ или часах).
6. Итоговый продукт/услуга и формат предоставления услуг (сложность достигаемого результата должна соответствовать зоне развития обучающегося, быть принципиально достижимой; формат реализации должен учитывать возможности участия - очный, комбинированный/дистанционный).
7. Ожидаемое количество вовлеченных обучающихся.
8. Анализ потенциальных или имеющиеся партнеров, а также опыт реализации уже имеющихся проектов при наличии.

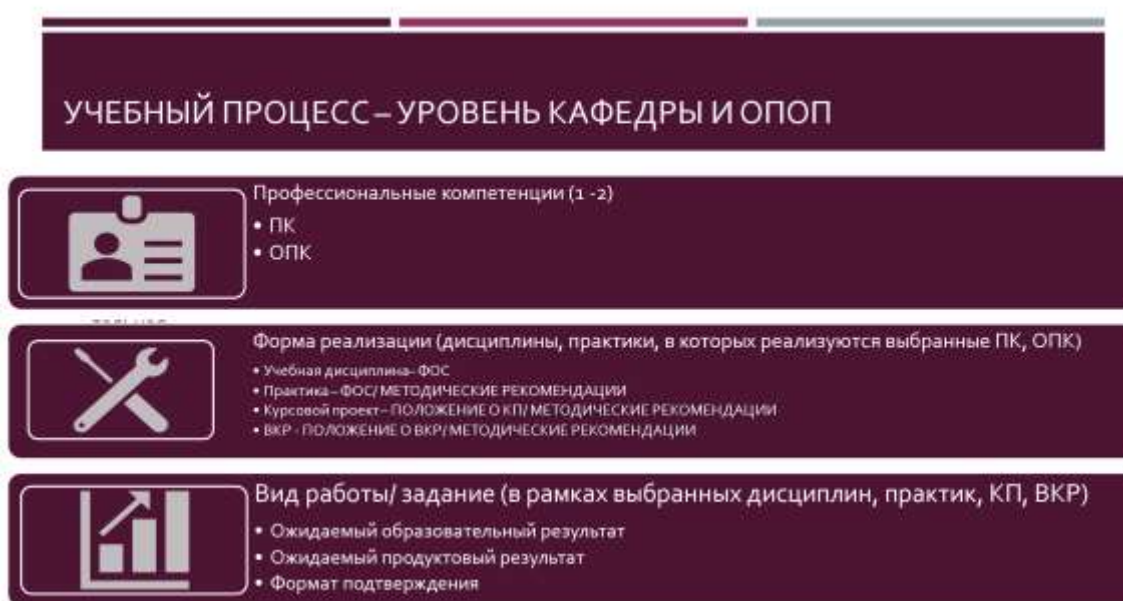

Рисунок 2. Внедрение подхода обучение служением на уровне кафедры
Figure 2: Implementing a service-learning approach at departmental level

Под представленные кафедрами компетенции, которые аккумулируются в общеуниверситетском реестре, осуществляется отбор заданий на платформе Добро.ру и по партнерским организациям, с последующим заведением на платформу.

Таким образом, к организационным задачам на уровне кафедры с контролем на уровне института/факультета относятся:

- выбор профессиональных компетенций;
- выбор дисциплин (ы), которые формируют указанную компетенцию;
- разработка рабочей программы дисциплины и методические рекомендации в рамках ОПОП с включением элементов обучения служением;
- отбор и согласование задач, которые могут быть решены в рамках обучения служением;
- обеспечение сопровождения проектов преподавателями-наставниками (входит в учебную нагрузку по выбранным дисциплинам, практикам, курсовым проектам и выпускным квалификационным работам), в том числе на платформе Добро.рф;
- закрепление студентов за задачами;

– контроль качества выполняемых работ в рамках обучения служением.

Учет реального вовлечения профессорско-преподавательского состава в программу обучения служением отражается на распределении нагрузки по дисциплинам, практике, ВКР, отобранным для реализации. Участие в реализации проектов обучения служением в учебной деятельности подкрепляется включением соответствующих показателей в систему рейтингования профессорско-преподавательского состава.

Очевидно, что решение проблемы сопоставления содержания профессиональных навыков и выполняемых в рамках заказов обучения служением работ подразумевает не только перестройку учебной деятельности подразделениями внутри образовательной организации, но и интенсивное взаимодействие с внешними партнерами – бизнесом и СО НКО по подготовке заданий, для приведения их в соответствие содержанию осваиваемых профессий, в том числе, через создание междисциплинарных проектов, с дроблением задач по направлениям подготовки. Еще один актуальный вопрос связан с заведением заданий социально ответственных партнеров на платформу Добро.ру в качестве социальных заказов: платформа проходит период отлаживания, процедура ведения проекта достаточно затратна во времени, и не всегда наши партнеры готовы к этой работе. Часть организационных задач на уровне университета включает в том числе и систематизацию работу с партнерами:

- агрегирование компетенций по ОПОП от кафедр в общеуниверситетский банк задач;
- ревизия имеющихся партнеров и соглашений под образовательные задачи;
- поиск и подбор новых партнеров под конкретные задачи, связанные с получаемыми специальностями;

- заключение договоров, сопровождение заведения партнеров на платформу Добро.рф;

- создание системы мониторинга реализации программы.

Таким образом, обеспечивается непосредственная связь между профессией и практикой решения социальных задач от социально-ориентированных НКО, бизнеса и государства: через целенаправленный отбор задач под компетенции конкретной профессии, разбивку комплексных междисциплинарных заказов на составляющие под конкретные профессиональные компетенции и сборку междисциплинарных команд.

Со стороны обучающегося трек вхождения в обучение служением начинается с первого курса через общеуниверситетский курс «Основы проектной деятельности», который обеспечивает формирование компетенций, связанных с разработкой и реализацией проектов, и факультативную дисциплину «Основы добровольческой деятельности» дающую студентам понимание специфики деятельности социально-ориентированных некоммерческих организация, первичное знакомство с социально-уязвимыми категориями населения и их насущными проблемами. Далее через систему практик и дисциплин профессионального цикла постепенно вводятся профессиональные задачи, направленные на решение актуальных проблем сообщества, с постепенным возрастанием сложности выполняемых работ. К завершающему курсу студенты, наиболее погруженные в тематику, могут взять заказ, связанный с обучением служением для проработки в рамках выпускной квалификационной работы.

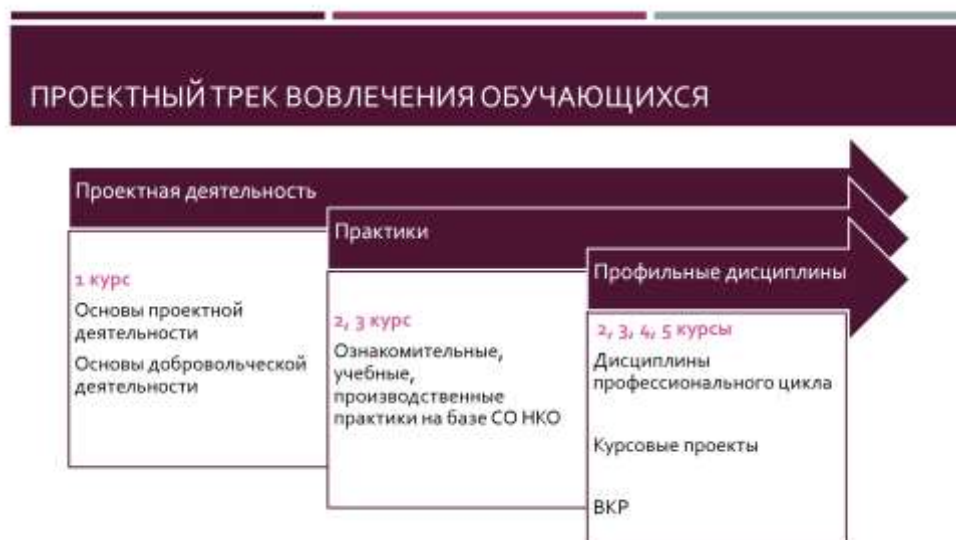

Рисунок 3. Трек вовлечения обучающихся
Figure 3: Learner engagement track

Начиная с первого года обучения, студенты высказывают интерес к участию в выполнении социальных проектов, поскольку видят в этой деятельности не только возможности развития профессиональных навыков, но и расширение социальных, профессиональных связей, получение верифицированного опыта работы по специальности и решения комплексных профессиональных задач на платформе Добро.рф. Есть примеры, когда по итогам реализованных проектов партнеры предлагают студентам дальнейшее сотрудничество в виде стажировок, гибкой занятости.

Заключение

Практико-ориентированное обучение на реальных кейсах отраслей в рамках обучения служением дает положительные результаты в плане повышения осведомленности студентов о содержании будущей профессии, учебной мотивации и стимулирования целенаправленного совершенствования навыков практической деятельности, дает более глубокое понимание социальных проблем и важности межотраслевых связей в их решении.

Для образовательной организации это еще одна возможность сближения с отраслевыми партнерами, которая позволит на регулярной основе обновлять содержание дисциплин с учетом требований, технологий и актуальных задач отрасли.

Результаты исследования готовности студентов участвовать в обучении служением, проведенного в 2024 г. в российских вузах участвующих в реализации программы показал, что студенты, обучающиеся по разным специальностям в разной мере готовы к решению общественных задач: ожидаемо обучающиеся социо-гуманитарных специальностей продемонстрировали более высокую готовность, по сравнению с техническими и естественно-научными направлениями, «подтверждая предположение о том, что само содержание социально-гуманитарного образования обладает бóльшим потенциалом для формирования готовности к общественному служению и, соответственно, требует меньших инвестиций или усилий для раскрытия потенциала обучения служением» [Никольский и др. 2024]. Это означает, что требуется более адресная точечная организация работы по подбору задач, которые будут напрямую раскрывать возможности специальности в решении проблем сообщества в целом и социально-уязвимых категорий населения в частности. Также требуется системная работа с партнерами в социально-ответственном бизнесе и социально-ориентированными НКО по формированию заказов, которые могут

быть реализованы с применением технологии обучения служением, по сопровождению студентов в проекте представителем заказчика.

Предлагаемая организационно-управленческая модель призвана решить часть обозначенных противоречий.

Список литературы

- Выготский, Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991.
- Дьюи, Д. Творческая демократия-задача, которая стоит перед нами // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2008. – № 2. – С. 46-51.
- Макаренко, А.С. Избранные произведения: в 3 т. – К.: Рад. Школа, 1985. – Т. 3.
- Никольский, В.С., Зленко, А.Н. Обучение или служение в российском высшем образовании: особенности начального этапа реализации нового подхода // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 421–435. URL: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.421-435>
- Никольский, В.С., Амбарова, П.А., Шаброва, Н.В., Земцов, Д.И., Метелев, А.П. Готовность студентов вузов к общественному служению // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. № 8-9. – С. 9–26. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26
- Сухомлинский, В. Рождение гражданина. – Litres, 2023.
- Astin, A.W., Vogelgesang, L.J., Ikeda, E.K. and Yee, J.A. (2000), How Service Learning Affects Students. Los Angeles, *Higher Education Research Institute*, UCLA.
- Caspersz, D. and Olaru, D. (2017), The Value of Service-Learning: The Student Perspective, *Studies in Higher Education*, Vol. 42, Issue 4, pp. 685–700. <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1070818>
- Celio, C.I., Durlak, J.A. and Dymnicki A.B. (2011), A Meta-Analysis of the Impact of Service-Learning on Students, *Journal of Experiential Education*, No. 34, pp. 164–181.
- Gutzweiler, R., Pfeiffer, S. and In-Albon T. (2022), ‘I can Succeed at This’: Engagement in Service Learning in Schools Enhances University Students’ Self-Efficacy, *Studies in Higher Education*, Vol. 47, Issue 12, pp. 2539–2552. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2091126>
- Hébert, A. and Hauf, P. (2015), Student Learning through Service Learning: Effects on Academic Development, Civic Responsibility, Interpersonal Skills and Practical Skills, *Active Learning in Higher Education*, Vol. 16, Issue 1, pp. 37–49. <https://doi.org/10.1177/1469787415573357>
- Jaeger, A.J., Jameson, J.K. and Clayton, P. (2012), Institutionalization of community-engaged scholarship at institutions that are both land-grant and research universities, *Journal of Higher Education Outreach and Engagement*, Vol. 16, No. 1, pp. 149–170.
- Kristina, T. (2008), Lambright Lessons Outside of the Classroom: Examining the Effectiveness of Service Learning Projects at Achieving Learning Objectives, *Journal of Public Affairs Education*, No. 14(2), pp. 205-217. DOI:10.1080/15236803.2008.12001520
- Lo, KWK, Ngai, G, Chan, SCF and Kwan, K-p (2022), How Students’ Motivation and Learning Experience Affect Their Service-Learning Outcomes: A Structural Equation Modeling Analysis, *Front. Psychol*, 13:825902. doi: 10.3389/fpsyg.2022.825902.
- Markus, G.B., Howard, J.P. and King, D.C. (1993), Notes: Integrating Community Service and Classroom Instruction Enhances Learning, *Results From an Experiment. Educational Evaluation and Policy Analysis*, No. 15, pp. 410 – 419.
- Mpofu, E. (2007), Service-Learning Effects on the Academic Learning of Rehabilitation Services Students, *Michigan Journal of Community Service-Learning*, No. 14, pp. 46–52.
- Novak, J.M., Vern, M. and Mike, A. (2007), Evaluating Cognitive Outcomes of Service Learning in Higher Education: A Meta-Analysis, *Communication Research Reports*, No. 24, pp. 149–157.

Students' Motivation in Academic Service-Learning over the Course of the Semester / A. Darby [et al.] // *College Student Journal*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 185–191. URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/prin/csj/2013/00000047/00000001/art00019>

Sze-Yeung Lai, C. and Chi-Leung Hui, P. (2020), Service-Learning: Impacts of Learning Motivation and Learning Experience on Extended Social, *Higher Education Research and Development*, Vol. 40, Issue. 2, pp. 400–415. <https://doi.org/10.1080/07294360.2020.1756748>

Warren, J. (2012), Does Service-Learning Increase Student Learning?: A Meta-Analysis, *Michigan Journal of Community Service-Learning*, No. 18, pp. 56-61.

Wilson, J.C. (2011), Service-Learning and the Development of Empathy in US College Students, *Education + Training*, Vol. 53, No. 2/3, pp. 207–217. <https://doi.org/10.1108/00400911111115735>.

References

- Vygotsky, L.S. (1991), *Pedagogical psychology*. M.: Pedagogy. (in Russian)
- Dewey, D. (2008), Creative Democracy-Task that stands before us, *Vestnik of Moscow University. Series 12. Political Science*, No. 2, pp. 46–51. (in Russian)
- Makarenko, A.S. (1985), *Selected works: in 3 vol. K.: Rad. Shkola*, Vol. 3. (in Russian)
- Nikolskiy, V.S. and Zlenko, A.N. (2024), Teaching or service in Russian higher education: features of the initial stage of realization of the new approach, *Integration of Education*, Vol. 28, No. 3, pp. 421-435. URL: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.421-435>. (in Russian)
- Nikolsky, V.S., Ambarova, P.A., Shabrova, N.V., Zemtsov, D.I. and Metelev, A.P. (2024), Readiness of university students to public service, *Higher Education in Russia*, Vol. 33, No. 8-9, pp. 9–26. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26. (in Russian)
- Sukhomlinsky, V. (2023), *The birth of a citizen*. Litres, 2023. (in Russian)
- Astin, A.W., Vogelgesang, L.J., Ikeda, E.K. and Yee, J.A. (2000), How Service Learning Affects Students. Los Angeles, *Higher Education Research Institute, UCLA*.
- Caspersz, D. and Olaru, D. (2017), The Value of Service-Learning: The Student Perspective, *Studies in Higher Education*, Vol. 42, Issue 4, pp. 685–700. <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1070818>
- Celio, C.I., Durlak, J.A. and Dymnicki A.B. (2011), A Meta-Analysis of the Impact of Service-Learning on Students, *Journal of Experiential Education*, No. 34, pp. 164–181.
- Gutzweiler, R., Pfeiffer, S. and In-Albon T. (2022), ‘I can Succeed at This’: Engagement in Service Learning in Schools Enhances University Students’ Self-Efficacy, *Studies in Higher Education*, Vol. 47, Issue 12, pp. 2539–2552. <https://doi.org/10.1080/03075079.2022.2091126>
- Hébert, A. and Hauf, P. (2015), Student Learning through Service Learning: Effects on Academic Development, Civic Responsibility, Interpersonal Skills and Practical Skills, *Active Learning in Higher Education*, Vol. 16, Issue 1, pp. 37–49. <https://doi.org/10.1177/1469787415573357>
- Jaeger, A.J., Jameson, J.K. and Clayton, P. (2012), Institutionalization of community-engaged scholarship at institutions that are both land-grant and research universities, *Journal of Higher Education Outreach and Engagement*, Vol. 16, No. 1, pp. 149–170.
- Kristina, T. (2008), Lambright Lessons Outside of the Classroom: Examining the Effectiveness of Service Learning Projects at Achieving Learning Objectives, *Journal of Public Affairs Education*, No. 14(2), pp. 205-217. DOI:10.1080/15236803.2008.12001520
- Lo, KWK, Ngai, G, Chan, SCF and Kwan, K-p (2022), How Students’ Motivation and Learning Experience Affect Their Service-Learning Outcomes: A Structural Equation Modeling Analysis, *Front. Psychol*, 13:825902. doi: 10.3389/fpsyg.2022.825902.
- Markus, G.B., Howard, J.P. and King, D.C. (1993), Notes: Integrating Community Service and Classroom Instruction Enhances Learning, *Results From an Experiment. Educational Evaluation and Policy Analysis*, No. 15, pp. 410 – 419.

Mpofu, E. (2007), Service-Learning Effects on the Academic Learning of Rehabilitation Services Students, *Michigan Journal of Community Service-Learning*, No. 14, pp. 46–52.

Novak, J.M., Vern, M. and Mike, A. (2007), Evaluating Cognitive Outcomes of Service Learning in Higher Education: A Meta-Analysis, *Communication Research Reports*, No. 24, pp. 149–157.

Students' Motivation in Academic Service-Learning over the Course of the Semester / A. Darby [et al.] // *College Student Journal*, 2013, Vol. 47, No. 1, pp. 185–191. URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/prin/csj/2013/00000047/00000001/art00019>

Sze-Yeung Lai, C. and Chi-Leung Hui, P. (2020), Service-Learning: Impacts of Learning Motivation and Learning Experience on Extended Social, *Higher Education Research and Development*, Vol. 40, Issue. 2, pp. 400–415. <https://doi.org/10.1080/07294360.2020.1756748>

Warren, J. (2012), Does Service-Learning Increase Student Learning?: A Meta-Analysis, *Michigan Journal of Community Service-Learning*, No. 18, pp. 56-61.

Wilson, J.C. (2011), Service-Learning and the Development of Empathy in US College Students, *Education + Training*, Vol. 53, No. 2/3, pp. 207–217. <https://doi.org/10.1108/00400911111115735>.

**Конфликт интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.**

Информация об авторах

Королева Ксения Юрьевна, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, г. Москва, Россия

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4437-9986](https://orcid.org/0000-0002-4437-9986)

Information about the author

Ksenia Y. Koroleva, Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation

 [ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4437-9986](https://orcid.org/0000-0002-4437-9986)